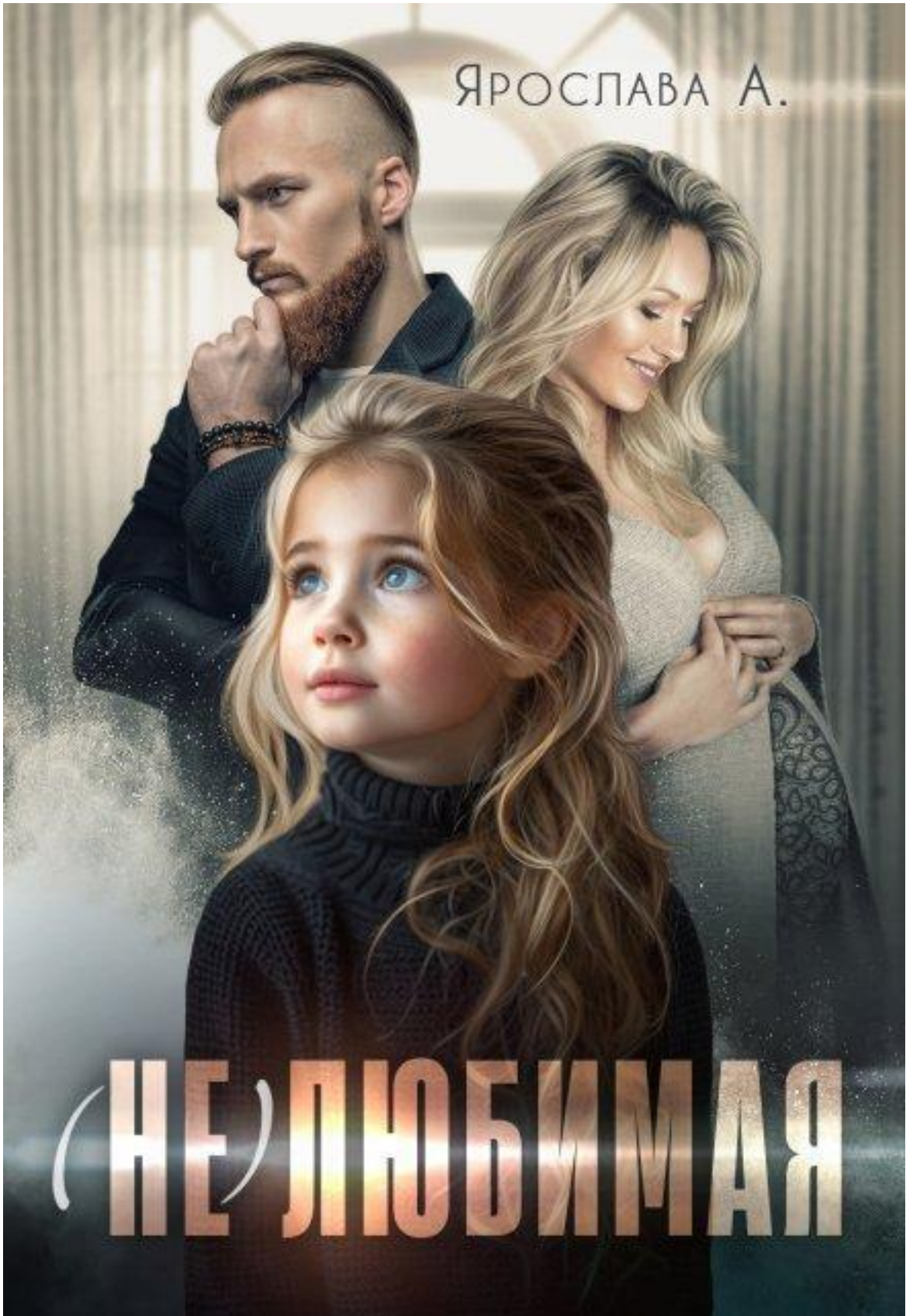

ЯРОСЛАВА А.

(НЕ) ЛЮБИМАЯ

Ярослава А
(не)любимая

«Литнет»

2025

А Я.

(не)любимая / Я. А — «Литнет», 2025

- Это... – севшим голосом почти шепчу я. - Да, - с едкой хрипотцой подтверждает бывшая свекровь, - Это дочь Игоря. В груди что-то тяжело бахает и отдается болью по всему телу. Дочь Игоря. Дочь человека, который катком прошелся по моей жизни, растоптал и выкинул мое сердце, пожевал и выплюнул душу... Внезапно девочка, словно прочитав мои мысли, вскидывает голову и пронзительно смотрит. - Встань! – гаркает на нее бабка, но та не реагирует, - Встань и поздоровайся! Молчит. Отводит взгляд. Бабка недовольно цокает языком и брезгливо поджимает губы. - Не в нашу породу пошла... Смотрю, как девочка начинает шевелить губами, словно беззвучно поет песню. Неудобная внучка. Такая же, как и я – нелюбимая.

© А Я., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1 «Дочь бывшего мужа»	5
Глава 2 «Зима в сердце»	11
Глава 3 «Огонь»	16
Глава 4 «На обочине жизни»	22
Глава 5 «Добрые дела»	28
Глава 6 «Боль в моей голове»	33
Глава 7 «Учение - свет»	39
Глава 8 «На твоей волне»	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Глава 1 «Дочь бывшего мужа»

— Ольга Николаевна, вы что-то сегодня запаздываете!

Едва я поднимаюсь на порожки корпуса, как меня догоняет высокий темноволосый мужчина в распахнутой темной куртке и с кожаной сумкой для ноутбука в руке.

— Запаздываю, Павел Петрович. — Дружелюбно киваю нашему новому главврачу и, по совместительству, моему начальнику. — Снега сегодня намело – еле машину откопала.

Павел Петрович галантно открывает передо мной двери, и я с благодарным кивком захожу в здание, попутно стряхивая с сапог остатки снега.

— Да, давно такой снежной зимы не было. — Замечает мужчина и, последовав моему примеру, добавляет: — Я уже подумываю, что нам надо всем коллективом выходить на чистку снега. Николай Иванович совсем не справляется.

Вместе поднимаемся на третий этаж.

Идем по коридору.

— Вы, как раскидаете текучку, после обеда загляните ко мне на пару слов.

— Хорошо, Павел Петрович.

Дальше мы расходимся.

Он идет к себе в приемную главврача, а я дальше, в самый конец коридора, где за скромной табличкой с надписью «Дефектолог» находится мой рабочий кабинет.

Открываю ключом дверь, захожу и привычно щелкаю выключателем.

Не успеваю я снять и убрать в шкаф пуховик, как в дверь стучатся.

— Да-да! — громко отвечаю на стук. — Заходите.

В кабинет заглядывает взволнованная мамочка – привычное дело.

— Можно к вам? Мы сегодня первый раз на занятия.

— Проходите. — Вежливо киваю и забираю у женщины санаторно-курортную карту. — Не переживайте. Можете присесть тут.

Следом за мамой заходит мальчик.

Глазки умные, смысленные, но... По кривой походке и осанке сразу видно, что наш клиент.

— Привет! — Присаживаюсь перед мальчиком на корточки. — Я Оля. А тебя как зовут?

— Д-и-има-а-а, — с трудом выговаривает мальчик.

— Хочешь немного поиграть? — спрашиваю у мальчика, показывая игрушки на столе.

Тот смотрит с радостным интересом и блеском в глазах.

Усаживаю его за стол с игрушками, а сама пока веду первичную беседу с мамой и заполняю все положенные документы.

— Не переживайте. — Успокаиваю ее. — Посмотрите, как Дима ловко справляется с пазлом.

На самом деле этот пазл предназначен для детей гораздо младшего возраста, но зачастую мамам нужна поддержка и ободрение не меньше, чем самим малышам, а то и больше, поэтому я стараюсь всегда их настроить на позитивный лад настолько, насколько это вообще возможно в их ситуации.

С мамой Димы мы довольно долго разговариваем.

Она рассказывает их недолгую, печальную историю.

Я слушаю и краем глаза наблюдаю за мальчиком, уже профессионально подмечая, что можно сделать за то короткое время, что они будут на лечении у нас.

А сделать можно многое!

Самое главное стараться и научить маму потом работать в нужном направлении. Многое будет зависеть именно от нее.

Вскоре они уходят, а коридор возле моего кабинета привычно наполняется народом. Вчера прибыл новый поток пациентов, и сейчас мамочки с детишками ходят по консультациям. Вскоре эта толпа рассосется, и ко мне будут ходить только те несколько человек из потока, которые на самом деле нуждаются в моей помощи.

Через пару часов напряженной работы, когда люди в моем кабинете идут постоянным потоком, наступает небольшое затишье, и я решаю немного передохнуть.

Беру кружку, щедро сыплю туда обычный растворимый кофе и иду к нашей техничке за кипятком.

— Здравствуй, Олечка! — Улыбается мне наша пожилая техничка Нина Сергеевна. — У тебя сегодня аншлаг?

— Здравствуйте, Нина Сергеевна. Да. В этом потоке много «речевиков», и Анатолевна всех ко мне посылает сначала.

— Ох-ох! — Качает головой женщина и сует мне в руки горсть вкусных шоколадных конфет. — На вот, покушай! Бери-бери! Худеющая стала – смотреть больно. Одни глаза остались. С благодарностью беру конфеты, заваренный кофе и спешу обратно в свое логово.

Пока иду, замечаю в конце коридора, рядом с моим кабинетом, знакомую женскую фигуру.

Поначалу малодушно решаю, будто я ошиблась, но по мере приближения по позвоночнику бежит предательский холодок страха.

Не обозналась, значит...

Возле кабинета стоит моя бывшая свекровь.

— Добрый день, Антонина Михайловна, — первая здороваюсь я.

Высокая довольно полная женщина в распахнутой белой норковой шубе медленно поворачивает голову в мою сторону и стреляет оценивающим взглядом.

Невольно ежусь.

Я уже и забыла, какая у этой женщины тяжелая энергетика.

— Здравствуй, Ольга. — Царственно кивает она.

— Вы ко мне?

— К тебе.

— Какими судьбами? — Искренне удивляюсь я.

— Нужна твоя консультация, как специалиста, — словно нехотя говорит она.

Бывшая свекровь поднимается со своего места, и тут я замечаю прижавшегося к стене ребенка.

Яркий желтый мембранный комбинезон.

Шапка валяется рядом.

Тонкие светлые косички топорщатся в разные стороны.

Отсутствующий взгляд направлен прямо в стену напротив.

Девочке на вид лет пять, не больше.

— Это... — севшим голосом почти шепчу я.

— Да, — с едкой хрипотцой подтверждает бывшая свекровь. — Это дочь Игоря.

В груди что-то тяжело бахает и отдается болью по всему телу.

Вдыхаю запах кофе из кружки, но даже он причиняет адскую боль.

Дочь Игоря.

Дочь человека, который катком прошелся по моей жизни, растоптал и выкинул мое сердце, пожевал и выплюнул душу...

Внезапно девочка, словно прочитав мои мысли, вскидывает голову и пронзительно смотрит.

— Встань! — гаркает на нее бабка, но та не реагирует. — Встань и поздоровайся!

Молчит.

Отводит взгляд.

Бабка недовольно цокает языком и брезгливо поджимает губы.

— Не в нашу породу пошла...

Я молча смотрю, как девочка начинает шевелить губами, словно беззвучно поет песню.

Неудобная внучка.

Такая же, как и я – нелюбимая.

Где-то на этаже громко хлопает дверь, и я, вздрогнув, сбрасываю внезапное оцепенение.

— Полагаю, с внучкой на консультацию? — Голос мой тверд, и едва ли по внешнему виду можно определить бурю в душе.

— Разумеется, — в своей излюбленной манере, типа «дура могла бы и не спрашивать», заявляет женщина и, сграбастав девочку за руку, собирается пройти в мой кабинет.

Как всегда, Антонина Михайловна поражает меня своей естественной бесцеремонностью. Эта женщина и без мыла влезет куда ей надо и не надо.

Вот только она забывает, что я уже не та молоденькая девушка, которой можно было помыкать.

— Куда вы? — Выразительно изгибаю бровь. — У меня через пару минут занятие. Я не занимаюсь частной практикой, тем более, в стенах санатория.

Бывшая свекровь медленно поворачивает голову в мою сторону, и глаза ее недобро сужаются.

Зря стараетесь, Антонина Михайловна – на меня это уже давно не действует.

Свою прививку от вашего вздорного нрава я уже получила.

— Хорошо. — Нехотя отступает назад она. — И где же ты можешь нас принять?

Вопрос, конечно, риторический.

Хочется зло рявкнуть – нигде!

Но какая-то неведомая сила заставляет меня заглушить эти лишние эмоции.

Дочь моего бывшего мужа, что практически куклой висит в цепкой хватке бабушки, снова смотрит на меня. И, кажется, этот взгляд, к слову, очень похожий на отцовский, заставляет меня сказать совсем не то, что хотела:

— Я вам сейчас открою сенсорную комнату. Там подождете. Девочка может поиграть в шарики. Как освобожусь, то сразу пойду к вам.

— И долго тебя ждать?

Она неискривима...

— Антонина Михайловна, — серьезно смотрю прямо ей в глаза, — если вам и вправду нужна моя консультация, то вы подождете столько, сколько нужно. А так, думаю, вы сможете найти в нашем городе не менее квалифицированных специалистов.

Она открывает было рот, чтобы поставить меня на место, но тут же закрывает, ибо никаких других специалистов в нашем захудалом провинциальном городе попросту нет.

— Хорошо, — высокомерно цедит она и идет следом за мной в небольшое помещение, которое я использую для групповых занятий.

Захожу, включаю свет.

— Располагайтесь. Верхнюю одежду можно повесить на крючок.

Вернувшись в свой кабинет, с грустью понимаю, что кофе мой уже остыл, конфеты не радуют, а в дверь уже кто-то стучится – привели ребенка.

Привычным жестом убрав выбившийся локон волос за ухо, выдыхаю и натягиваю на лицо спокойную улыбку.

— Войдите!

Сегодня ко мне на занятие пришел Миша.

Коренастый плотный мальчик-подросток и его не менее плотная мама.

— Здравствуйте, Ольга Николаевна! — Вымученно улыбается женщина и подталкивает сына в мою сторону. — Не против, если одни с Мишей позанимайтесь? Мне нужно срочно позвонить по работе.

Мама Миши – одна из тех немногих мам, которые успевают заниматься воспитанием особенного ребенка, но и еще работают. Отец ушел из семьи, как только узнал, что у ребенка неизлечимая патология. С тех пор мама Миши тянет его одна.

— Хорошо. — Киваю ей и переключаю свое внимание на мальчика. — Привет, Мишенька. Как твои дела?

— П-ет. — Улыбается солнечный мальчик Миша. — О-шо.

— Отлично! — подбадриваю его. — Я сегодня придумала для тебя интересную игру. Хочешь поиграем?

Он активно кивает и несется за игровой стол.

Я же беру со стола заранее подготовленный материал и, отхлебнув из кружки противный холодный кофе, иду к Мише.

Через сорок минут возвращается его мама.

— Отзанимались? Как у Миши дела? — с порога заваливает вопросами.

— Хорошо. Он большой молодец! — И это чистая правда.

Миша – старательный ребенок, но в силу своего диагноза многое не может и никогда не сможет. Его маме важен каждый микроскопический шаг прогресса, поэтому я трачу минут десять на то, что подробно все объясняю, попутно даю еще кое-какие рекомендации.

— Спасибо вам, Ольга Николаевна! — с чувством благодарит она.

Рассеянно киваю ей в ответ и, выдав Мише заслуженную сегодня наклейку с котиком, возвращаюсь к своему рабочему столу. Там, порывшись в ящиках, набираю карточки для первичной диагностики.

Пора идти в сенсорную комнату.

Подхожу в двери и замираю на несколько мгновений.

— Что ты делаешь? — Слышу за дверью грозный голос Антонины Михайловны. — Немедленно положи это на место! Оглохла?! Я что тебе сказала?

Вот уж никогда бы не подумала, что моя бывшая свекровь будет такой отвратительной бабушкой. Сыновей своих она всегда любила до беспамятства.

Тихо приоткрываю дверь и захожу внутрь.

— Что здесь происходит? — все так же строго спрашиваю я.

— Вот видишь! — шипит Михайловна. — Сейчас тётя на тебя ругаться будет!

Вот спасибо за медвежью услугу.

— Не буду я ругаться, — твёрдо проговариваю, глядя на бывшую свекровь, подхожу ближе и присаживаюсь на корточки рядом с девочкой. — Это комната для детей и тут можно играть во что хочется. Как тебя зовут, милая?

Девочка молчит, не оборачивается и даже ухом не ведет в мою сторону.

Она увлечённо раскладывает карточки с английским алфавитом в удивительно правильном порядке.

— У вас есть какие-то документы или обследования? — решив пока не трогать ребенка, спрашиваю я. — Вы куда-то обращались уже?

— Нет, конечно! Никуда мы не обращались. Еще не хватало, чтобы весь город говорил о том, что у меня внучка недоразвитая.

— К-х-х, — невольно закашлялась я. — Понятно. А родители? В Москве же лучшие специалисты.

Взгляд Альбины Михайловны на миг становится точно стеклянным. а уголки губ расстроенно сползают вниз.

— Ну, видимо, не лучшие, раз девчонке уже почти шесть лет, а она говорить толком не может!

Судя по ответу, делиться со мной информацией, даже если она есть, никто не будет.

Да и ладно.

Мне оно как-то и не нужно было.

Обращаю свое внимание на девочку.

— Как ее зовут?

— Дарина.

И снова грудь простреливает острой болью. Да так, что больно дышать.

Дарина...

Я так назвала свою девочку.

Ту, что когда-то давно потеряла.

— Красивое имя. — С трудом выдавливаю из себя.

— Да уж... Красивое, — говорит женщина, выражая все, что она думает об этом имени.

— Лучше бы Александрой назвали, как мать мою. Может, ума бы больше было. А так...

— Хорошо. — Обрываю поток лишней для меня информации и снова обращаю свое внимание на девочку.

Маленькая.

Худенькая.

Светлые чуть выющиеся волосы смешно пушатся на затылке. Косички кривые какие-то. Из-за этого вид у ребенка неопрятный. Хотя вещи на ней явно чистые и дорогие.

Тонкими пальчиками с неровно остриженными ногтями она перекладывает с места на место карточки.

Занятно...

— Антонина Михайловна, какие у вас жалобы? — осторожно интересуюсь у бывшей свекрови. — Поведение? Речь?

Та, словно ожидая этого вопроса, резко выпаливает:

— Да все! И поведение, и речь!

— Можно поподробнее?

— Поведение безобразное, — жалуется бабка. — Дома постоянно сидит в планшете — отец подарил. Не оторвать. Если забираешь, то закатывает безобразные истерики. Сама не одевается, не дает ее причесывать. Уж не знаю, как ее воспитывала мать, но такое чувство, что это не ребенок, а дикая обезьяна.

Встаю со своего места и подхожу к девочке чуть ближе.

Она не замечает моего движения — полностью погружена в свою нехитрую игру.

Карточки с буквами снова приходят в движение.

— Не разговаривает. Только орет постоянно. Учиться не хочет. — Продолжает Антонина Михайловна. — Бывает, что что-то поет сама себе.

— Поет? Что поет?

Пожилая женщина неопределенно пожимает плечами.

— Да кто ее знает? Что-то под нос. Не разобрать. Одним словом — с головой что-то.

— Какие лекарства давали? — Продолжаю мягкий допрос я.

Женщина замирает, словно пытается что-то вспомнить, а потом вздыхает:

— Много всего кололи, давали... Да что толку? Она от этих лекарств совсем дурная становится.

— Как кушает? Туалет? Сама?

— Ну... Да...

Значит, не такая уж она и дикая, потому что, пока мы с Михайловной беседовали, Дарина сложила из английских букв слово.

— Candy! — читаю я вслух, и девочка мгновенно оборачивается.

Смотрит с опаской и легким интересом.

Достаю из кармана конфету, одну из тех, которыми меня угостила техничка.

Опускаюсь на ковер рядом и протягиваю угощение девочке.

Та быстро хватает, раскрывает и засовывает в рот.

Фактик бросает тут же на ковер.

— Ай-ай! — Качаю головой. — Зачем ты намусорила? Не хочешь убрать за собой? Вот корзина для мусора.

Показываю на ведро, но Дарина и ухом не ведет.

Словно не слышит и не понимает, что от нее хотят.

Значит, когда нам надо, мы все слышим и понимаем.

А когда не надо – нет.

Интересная позиция...

— Хорошо. — Поднимаюсь и возвращаюсь к бывшей свекрови за стол. — Что вы хотите от меня, Антонина Михайловна?

— А разве не понятно?! — Пыхтит она в ответ. — Хочу, чтобы она стала нормальной. Если есть шанс ее вылечить, конечно. Говорят, что ты умеешь корректировать поведение. Вот и скорректируй!

— Это так не работает. — Качаю головой я. — Двух и даже трех часов в неделю недостаточно для реального прогресса. Я могу только направить и подсказать родителям. Коррекция поведения и в целом любая коррекция – это прежде всего тяжелый и каждодневный труд родителей.

— Вот еще! — Возмущенно таращится на меня. — А за что тогда ты деньги получаешь?

Да-а-а. Антонина Михайловна считает, что люди за копейки должны ее вылизывать с ног до головы. Совершенно потребительское отношение к людям, особенно если они из обслуживающего персонала.

Признаю, цепляет неприятно.

— Я свою зарплату полностью отрабатываю. — Холодно смотрю на женщину и поднимаюсь со своего места. — Свое мнение я озвучила, а остальное ваше личное и семейное дело. Извините, но мне пора уже работать. Комнату не закрываю, можете спокойно тут одеть ребенка. Всего доброго.

С этими словами под пораженным взглядом бывшей свекрови покидаю сенсорную комнату.

Время уже перевалило за обед.

Пациенты разошлись по корпусам и номерам.

Пора идти на ковер к начальству.

Залетаю в кабинет, хватаю ежедневник и спешу в приемную Павла Петровича, еще не зная, что там меня тоже ждет не очень приятный разговор...

Глава 2 «Зима в сердце»

— Можно? — Заглядываю в кабинет Павла Петровича после короткого стука.

— Заходи, Ольга Николаевна, заходи. — Приглашает жестом и поднимается со своего места мне навстречу. — Присаживайся. Чай будешь?

— Нет, спасибо, — мягко отказываюсь. — Только кофе попила.

Аккуратно сажусь в новое кожаное кресло, чувствуя себя несколько неловко.

Несколько месяцев назад в кабинете главного врача сделали шикарный ремонт. Раньше тут был совок, а сейчас все такое новое и шикарное, что даже заходить страшновато. Краснов Павел Петрович всего полгода занимает пост главного врача нашего детского санатория, а уже столько всего сделал, сколько прежний и за десять лет не смог.

Павел Петрович возвращается на свое место и, усевшись в кресло, внимательно с легкой улыбкой смотрит на меня.

Пауза затягивается, и я, чтобы как-то снять напряжение, привычно поправляю ворот белой водолазки у горла.

— Вы что-то хотели обсудить? — спрашиваю. — Простите, но у меня не так много времени. Через двадцать минут уже занятие.

— Да, хотел. — Чуть прищурившись, кивает тот и, подавшись корпусом вперед, ставит локти на стол.

Мой взгляд, рассеянно блуждающий по кабинету до этого, останавливается на мужских руках, чисто по-женски оценивает их и стыдливо утыкается в раскрытый ежедневник.

— Я хотел обсудить с вами, Оля, возможность расширения вашего маленького кабинета.

— Мне вполне хватает места. Есть еще сенсорная комната.

— Нет. Вы не поняли. Я имел в виду расширение штата.

— Правда? — Удивленно распахиваю глаза. — Я столько просила об этом...

— Что устали ждать? — Криво улыбается мужчина и крутит в руке ручку. — Вы же понимаете, настолько неповоротлива бюрократическая машина.

— Да-да. — Понимающе киваю я. — И много дополнительных мест?

— Всего два. Но нам еще предстоит найти персонал. Справитесь?

— Конечно, Павел Петрович!

— И еще, по поводу совмещения ваших занятий с групповой физиотерапией – очень занятная тема. У нас есть небольшой пакет финансирования на обновление оснащения. — Поднимается со своего места, обходит стол и опирается бедрами на него, рядом со мной, будто бы нависая. — Я думаю переоборудовать немного вашу любимую комнату и расширить. Как вы на это смотрите?

— Надо подумать... — бормочу, чувствуя себя некомфортно от его близости.

— Подумайте. — Великодушно кивает. — Распланируйте. К пятнице жду ваши предложения в письменном виде. Успеете?

— Успею. — Киваю я и решительно встаю, собираясь уже откланяться, но мужчина меня останавливает.

Делает шаг вперед, и я оказываюсь между ним и креслом.

— Оля... — Смотрит, как удав на кролика. — Как вы относитесь к грузинской кухне?

— Что? — Непонимающе смотрю на него, прижимая к груди ежедневник.

— Составите мне компанию сегодня за ужином?

— Не думаю, что это уместно... — Пытаюсь выскользнуть из ловко расставленной засады.

— Почему? — Не больно, но крепко прихватывает за локоть.

И правда?

Почему, Оля?

Мужские пальцы обжигают прикосновением.

Ноздрей касается свежий и приятный аромат дорогого мужского парфюма.

Краснов довольно молод и хорош собой.

Высокий, подтянутый и ухоженный мужик.

Все наши бабы в санатории по сему сохнут.

Кажется, он в разводе...

А я... Слишком долго была одна.

— Мне кажется, нам стоило бы попробовать. — Его ласковый шепот так близко.

Щеки касается теплое мятное дыхание, а на талию уверенным жестом ложится мужская рука.

Шумно вздыхает:

— Ты так вкусно пахнешь...

Я на мгновение прикрываю глаза, пытаюсь понять, распробовать ощущения и...

Чувствую его ладонь на своем подбородке.

Он явно собирается меня поцеловать.

И тело мое явно хочет этого поцелуя.

Я черти сколько лет не целовалась вот так по-настоящему, но...

— Нет! Никуда я с тобой не пойду. — Грубо отталкиваю от себя мужчину, мгновенно закрываясь.

Павел, явно не ожидавший такого поворота, глядит сначала с недоверчивым изумлением, а после с обидой.

— И не заставляю! — зло бросает он. — Идите работать, Ольга Николаевна!

Вылетаю из кабинета, точно ошпаренная, и несусь в туалет.

Там, закрывшись на щеколду, долго держу руки под холодной водой и, глядя на свое бледное лицо, думаю о том, что дура.

Обидела человека.

По сути, ни за что.

Ведь это не преступление какое-то – поцеловать понравившуюся женщину, пусть вы и вместе работаете. Он же просто на ужин позвал, а не в сауну.

Павел давно уже оказывает мне небольшие знаки внимания, но я не думала, что он решится на что-то большее.

Не думала, не хотела...

Просто... Этот кабинет и вся ситуация в целом – это самый настоящий триггер.

Был инцидент в прошлом. И думалось мне – все былью поросло, а нет.

Человеческий мозг – странная штука. Вот казалось бы, что я теперь уже взрослая адекватная тетка. Не девочка...

А до сих пор заклинивает.

Конечно, Павел не виноват.

И я обязательно извинюсь перед ним.

Но после.

Смотрю на себя в зеркало: глаза сухие, даже тушь не потекла.

Я давно разучилась плакать, и это тоже плохо. Нормальный организм через плач перегружает элементы в нервной системе, дает выход скопившемуся напряжению.

Стресс у меня сегодня был, а выхода напряжения нет.

Вот и досталось Паше.

Надо с этим что-то делать...

В сеансы психотерапии я не верю. Не помогает. Верю лишь в долгую работу над собой до изнеможения.

Тщательно мою руки с мылом, вытираю полотенцем, приглаживаю волосы.
И хорошо, что Антонина Михайловна так себя повела.

На самом деле нужен был лишь повод, чтобы отказаться работать с этой девочкой. Да, не самый лучший поступок. Не красит меня как человека и специалиста. Но так будет лучше для всех. Бывают в прошлом люди, с которыми в ты в настоящем никогда не захочешь встречаться. Так вот, мой бывший муж Игорь и вся его семья в целом – это и есть такие люди.

Девочку жаль...

А ведь она умненькая.

Просто со странностями.

Где-то я читала о подобном. Не помню...

Но ничего. С возможностями и деньгами семьи Даниловых Антонина Михайловна найдёт в столице дефектолога не хуже, чем я, а может, даже и лучше.

Окончательно придя в себя, возвращаю на лицо маску непоколебимого спокойствия и, настроившись на рабочий лад, возвращаюсь к себе в кабинет.

Остаток дня проходит без происшествий.

К вечеру, когда все расходятся, включаю старенький компьютер и принимаюсь за разработку программы лечения, под которую, собственно, и будут рассчитаны новый персонал и средства реабилитации.

Увлекаюсь программой настолько, что совершенно не замечаю, как за окном стремительно темнеет. Бросаю взгляд на часы – время уже перевалило за шесть вечера. Основная часть санатория рассосалась кто куда: пациенты – по корпусам и номерам, а работники – по домам.

Поднимаюсь со своего места, тянусь, разминая затекшие шею и плечи, включаю свет, и тут дверь моего кабинета открывается.

На пороге стоит Павел Петрович. В небрежно распахнутом темно-сером пальто. Домой, видимо, собрался.

— Опять допоздна? — спрашивает он, как ни в чем не бывало.

— Не поздно же... — Неопределенно пожимаю плечами.

— Ты долго еще? — спрашивает, переходя на ты и этим давая понять, что хочет разговора.

Кидаю взгляд на незаконченный документ и решаю, что его можно доделать и завтра.

— Закончила уже.

— Подвезти?

— Если не сложно...

— Тогда собирайся. Жду тебя в машине.

Уходит, а я быстро натягиваю пуховик, сапоги и, привычно проверив, везде ли выключен свет, выхожу в темный коридор, а потом и из самого корпуса.

На самом деле я живу недалеко от работы. Быстрым шагом всего минут пятнадцать ходьбы, но я обещала самой себе, что перед Павлом нужно извиниться.

— Холодно. — Сажусь в машину на переднее сиденье и тру озябшие ладошки.

— Без перчаток? — Осуждающе цокает языком. — Грейся о печку.

И я греюсь, искоса поглядывая на четкий профиль мужчины и жалея, что зима не только на улице... В душе моей зима. Не думаю, что смогу испытать с ним что-то большее, чем тупое физическое влечение. А Павел явно достоин и хочет большего.

Через пару минут авто двигается с места, уверенно гребя колесами по плохо чищенной дороге. Снега в этом году столько, что дорожная техника никак не справляется. Центральные дороги стараются не запускать, а сюда, на окраину, редко заглядывают.

Машина у Павла Петровича хорошая: высокая, с большими колесами и дорогая. Явно купленная не на зарплату обычного, пусть и главного, врача.

По дороге не разговариваем.

Павел, сжав губы в тонкую линию, внимательно смотрит на дорогу, а я греюсь и никак не могу согреться.

Бьет легкий озноб.

Только заболеть мне не хватало.

До моего дома мы доезжаем до обидного быстро.

Как бы не хотела оттянуть этот разговор, а перед смертью, как говорится, не надышишься.

— Спасибо, Павел, — благодарю я и поворачиваюсь к мужчине. — Прости меня, пожалуйста, за ту сцену в твоём кабинете. Я повела себя как истеричка.

Уж не знаю, что так забавляет мужчину в этот момент, но он неожиданно улыбается и говорит:

— Прошу, если все же сходишь со мной на ужин.

Опять двадцать пять!

Упорный...

— Зачем?

— Я же сказал тебе до этого: я считаю, что у нас получится что-то хорошее.

— Нет. — Печально смотрю на него. — Не получится. А портить хорошие рабочие отношения разовой интрижкой плохая затея.

— Оля, я похож на подлеца, чтобы оскорбить тебя, как ты выразилась, интрижкой?

Из груди вырывается неуместный хриплый смешок, больше похожий на карканье.

— Дело не в тебе, а во мне. Прости, Паша, но нам лучше остаться просто хорошими коллегами.

С этими словами я распахиваю дверь авто и бодро спрыгиваю на снег.

— Оля! — Мужчина всем корпусом подается к распахнутой двери и шутливо грозит: — Я ведь так просто не отстану. Подумай о этом...

Захлопываю дверь и, не оборачиваясь, иду в сторону своего дома, зная, что он провожает меня взглядом.

Открываю калитку, захожу в свой нечищенный от снега двор и, вздохнув, начинаю пробираться к двери сквозь сугробы. Чистить двор некогда. Утром – на работу, вечером – поздно с работы. Не досуг. В выходные почищу.

Тут из-за угла выскакивает здоровая хаски и с задорным лаем кидается навстречу, вызывая настоящий снежный мини-вихрь.

— Фу! Фу, Буран! — предупреждающе командую я, но моему любвеобильному и малость придурковатому псу, как обычно, по барабану.

Кидается на меня, чтобы естественно запечатлеть свою пламенную любовь, и попросту опрокидывает в снег. Пытается лизнуть в лицо, но я довольно ощутимо луплю его по наглой морской.

— Фу! Дурачина дурацкая! Вот кто так делает? А?

Пес обиженно отходит, но обида его долго, естественно, не длится. Тут же, со своей собачьей непосредственностью, он носится вокруг меня, равнодушно наблюдая, как эта странная двуногая, тихо матерясь, выскребает себя из сугроба, а после, кряхтя, точно старая бабка, идет отпирать дверь.

Буран рвется со мной в дом, но я его, естественно, не пускаю.

Разнесет ведь все.

Пусть во дворе бегают. У него такая шуба – всем шубам – шуба! Может на снегу спать и в минус тридцать.

Закрыв за собой дверь, приваливаюсь к ней спиной, пытаюсь вспомнить содержимое своего холодильника, потому что кушать надо, а в магазин не хочется.

— Мур-мяу! — Раздается рядом.

— Привет, Фифи. — Ласково треплю свою пушистую любимицу по мохнатой голове и медленно раздеваюсь.

Как же хорошо дома.

Переодеваюсь в просторную пижаму, смываю макияж и готовлю себе нехитрый ужин, который состоит из одного вареного яйца, тонко нарезанной куриной грудки и гречки. Насытившись, ставлю в микроволновку разогревать кости для Бурана и сыплю Фифи ее любимого корма.

Когда все питомцы сыты, довольны и занимаются своими делами, я, заварив себе большую кружку сладкого какао, забираюсь с ногами в кресло и открываю на планшете популярное книжное приложение.

Что же делать по вечерам одинокой женщине далеко за тридцать, если не читать?

Просматриваю списки бестселлеров в жанре любовного фэнтези, чешу развалившуюся у меня на коленях Фифи и периодически попиваю свое ароматное какао.

А за окном опять валит снег...

Но дома тепло и уютно. И совершенно не хочется думать о том, что завтра нужно вставать на работу, снова надевать маску серьезного дефектолога и врать самой себе, что все у меня в жизни хорошо.

Почти уже выбрав книгу, я на мгновение отрываю глаза от яркого экрана планшета и внезапно замечаю на улице яркий свет автомобильных фар.

Сердце делает у груди тревожный кульбит.

Кто-то приехал?

Глава 3 «Огонь»

Медленно, стараясь унять тревожно бьющийся пульс, поднимаюсь со своего места и, поставив на низкий журнальный столик кружку с какао, иду к окну.

Улица, на которой я живу практически всю свою жизнь, сейчас довольно тихая.

Здесь не самый модный и шумный район. В округе живут одни старики.

Немного отодвинув шторку, гипнотизирую взглядом яркий свет от автомобильных фар, что бьет прожектором в мой хлипенький из простой сетки рабицы забор.

Автомобиль кажется очень большим, черным и от этого немного пугающим.

Довольно дорогая марка.

Внезапно авто, точно огромный неповоротливый монстр в ночи, сдает назад и, проехав буквально пару метров, паркуется рядом, напротив соседского гаража.

Фары гаснут, и водительская дверь открывается.

Затаив дыхание, слежу за внушительной мужской фигурой, которая под стать машине, будто черная тень, сначала заходит на периметр соседского участка, а затем исчезает за поворотом.

Нахмурившись, еще какое-то время смотрю в окошко, выискивая глазами мужчину, а после возвращаюсь обратно в свое кресло.

Укутываюсь назад пледом, беру какао... Отпиваю и морщусь – остыл.

Читать больше не хочется.

И вообще все настроение пропало.

Фифи, замяукав, зовет на кухню, и я поднимаюсь, чтобы пойти и налить молочка своей любимице.

Достав из холодильника пачку с молоком, замираю напротив кухонного окна, зацепившись взглядом за что-то необычное. Приглядевшись, осознаю, что необычное – это свет из окна в доме напротив.

Странно...

В соседском доме, куда не так давно зашел подозрительный тип, уже много лет никто не живет. Раньше там жила бабушка Рая, но потом она умерла, и с тех пор дом много лет стоял закрытым. Никто из наследников, если они и были, не объявился. А жаль... Дом хороший, добротный. Но без крепкой хозяйской руки и отопления, конечно, стал постепенно разрушаться.

Выходит, тот незнакомец приехал в этот дом.

Интересно, кто он?

Родственник баб Рая?

Почему не появлялся столько времени?

Напрягаю память и пытаюсь припомнить, были ли у старушки дети, но не могу. Она всегда была одна. А я ведь очень часто бегала к ней во двор на качелях качаться и просто так. Баб Рая была доброй и приветливой женщиной.

Тут в окне, на котором отсутствуют шторы и тюль, появляется крепкая мужская фигура с впечатляющим обнаженным торсом.

Замираю с бутылкой молока в руке, глядя на мужчину, и вздрагиваю, когда он, резко вскинув голову, смотрит на... Меня... Или в сторону моего дома... Не важно.

Важно то, что я, как нашкодившая школьница, резко отворачиваюсь, от чего бутылка молока из моих рук выскальзывает и с глухим звуком падает.

Молоко разливается по полу...

Ничуть не смущенная Фифи сразу начинает его лкать, а я, выругавшись себе под нос, принимаюсь убирать этот молочный потоп.

Минут через двадцать, убравшись, устало зеваю.

Надо идти спать.

Завтра новый день, работа, дети...

Ложась в свою холодную и одинокую постель, сначала думаю о Павле, но мысли эти постепенно ускользают и вспоминаются глаза той девочки – Дарины.

Одна мысль цепляется за другую, образуя огромный клубок, что давит и давит, путая сознание.

Сон отступает.

Под возмущенный мявк Фифи откидываю одеяло и, включив торшер, иду к письменному столу, на котором стоит ноутбук.

Включаю.

Начинаю поиск информации.

И нахожу довольно быстро.

Все признаки на лицо.

Ну, не может ребенок с задержкой психического развития в пять лет складывать слова на иностранном языке.

У нее феноменальная память... Увлеченность... Отсутствие поведенческой гибкости... Речь по необходимости.

Синдром Аспергера... Не лечится...

Захлопнув крышку ноутбука, злюсь на саму себя.

Ведь приняла же решение, что не буду с ней заниматься! Но нет... Мысли об этой странной девочке будто не отпускают. Ее глаза, слишком похожие на глаза Игоря, так и преследуют меня.

А вообще странная ситуация.

Когда Игорь со мной развелся, то его обожаемая Влада уже была беременна. Мысленно подсчитываю сроки и понимаю, что тот ребенок родился гораздо раньше. Выходит, Дарина их второй ребенок. Можно было бы предположить, что она не дочь Влады, но внешне девочка очень ее напоминает. Те же губы, овал лица, изгиб бровей. Как же так вышло, что ее отправили на воспитание к бабушке?

Видимо, не все спокойно в Датском королевстве...

Мысли постепенно становятся все медленнее и медленнее, и я не замечаю, как, наконец, проваливаюсь в сон.

Просыпаюсь словно от толчка. Будто кто-то невидимый дал мне кулаком в спину. Подскакиваю, потирая между лопатками, пытаюсь стереть это фантомное ощущение.

Взгляд на часы – четыре утра.

Сунув ноги в теплые носки, иду на кухню, смочить водичкой пересохшее горло.

Замерев перед мойкой, с необъяснимым беспокойством гляжу в окно.

А там из соседского дома валит черный дым.

Кажется, пожар!

Первая реакция – ступор, а после – паника.

Что делать?

Куда бежать?

Наверное, надо позвать кого-то на помощь?

Через дом дед-инвалид живет, а следом два дома и вовсе пустые. Какая уж тут помощь?

Надо пожарных вызывать.

Спешу обратно в спальню.

Залетаю и хватаю непослушными руками телефон. Он выскальзывает и с глухим звуком падает на пол.

— Вот овца бестолковая! — ругаю себя и чуть не вою от досады, когда понимаю, что у телефона при падении разбилась матрица.

А это значит, что позвонить я не могу.

Ведь был же раньше в этом доме стационарный телефон. Мама его проводила.

Но нет. Пару лет назад я решила, что мне он не нужен, и расторгла договор с компанией.

Ах, как бы он сейчас пригодился!

Понимая, что надо что-то срочно делать, спешу в прихожую, где, накинув на пижаму пуховик и сунув голые ноги в сапоги, решительно распахиваю дверь.

А на улице снова метель, и сугробы по колено.

Пробираюсь сквозь них, не чувствуя, что сапогами уже зачерпнула снег.

Вылетаю на улицу и спешу к дому, но тут же натыкаюсь на преграду в виде запертых ворот.

Закрылся он!

Правильно говорят, что в стрессовой ситуации мозг на волне адреналина способен находить нестандартные решения и выискивать на задворках памяти ту информацию, о существовании которой в обычной жизни и не подозреваешь.

Оказывается, я откуда-то знаю, что между нашими участками есть калитка.

Точно дверца в зазеркалье.

Такой она мне врезалась в память, когда я была еще совсем маленькой.

Несусь обратно на свой участок и ищу калитку. А она почти в самом конце забора. Неприметная такая, заваленная снегом, поросшая травой и мелким кустарником. Ее и с места не сдвинешь.

Тут на помощь мне приходит лопата.

Не чувствуя холода и боли, с какой-то отчаянной злостью раскидываю снег.

Кажется, еще никогда в жизни я так быстро не двигалась!

Толкаю калитку, и она поддается на самую малость, но я худенькая, и мне этого расстояния вполне хватает, чтобы пролезть.

Пока я ковырялась, уже не только дым, но и огонь показался в окошках.

Забегаю на крыльцо и со всей дури стучу в дверь.

— Откройте! Вы горите! Пожар!!!

Никто не отвечает.

Со злостью бью ногой дверь, и та неожиданно распахивается, выпуская тяжелое облако дыма.

На принятие решения у меня всего пару секунд.

Резко сдергиваю с головы платок и, повязав его таким образом, чтобы закрыть нос и рот, втянув голову в плечи, заскакиваю внутрь.

От дыма моментально начинают слезиться глаза.

Я практически ничего не вижу и двигаюсь на ощупь. Благо, я часто бывала в доме бабы Раи и до сих пор помню расположение комнат.

Очаг пожара явно на кухне.

Это с правой стороны.

Значит, надо двигаться в левую. Там, если мне не изменяет память, была хозяйская спальня.

Задыхаясь и заходясь надсадным кашлем, толкаю дверь в спальню и почти сразу замечаю раскинувшегося на кровати полуобнаженного мужчину.

Напротив распахнутое на одну створку окно.

Именно из-за открытого окна и закрытой двери, здесь мало дыма, а значит, есть шанс привести мужчину в чувство.

— Проснитесь! — не кричу, а скорее хриплю и: склонившись над ним, совсем неласково тормошу. — Просыпайтесь!

— Что-о-о, м-м-м... — Что-то невнятное мычит он, и меня обдает стойким перегаром.

Господи, да он еще и пьяный!

Алкаш чертов!

Теперь из-за него мы тут оба угорим!

— А ну, поднимайся, придурок! — Луплю по морде, и, кажется, это немного приводит его в чувство.

Подпрыгивает, скидывая с себя, и рычит:

— Ты охренела! Твою м...

— Пожар! Скорее!

Надо отдать мужику должное: после моих слов он приходит в себя практически моментально. На морде сначала появляется осмысленное выражение, а после уже и понимание ситуации.

— Быстро! В окно!

Сам кидается прямо как есть, в одних джинсах, босиком, а я, растеряв последние силы, никак не могу собраться. Поднимаюсь и, будто путаясь в собственных ногах, падаю.

Все же наглоталась дыма...

Необъяснимая тяжесть сдавливает голову, дышать становится заметно тяжелее.

Шумно, точно старый паровоз, гоняю легкими воздух, но не могу отдышаться.

Кислорода катастрофически не хватает...

— Да, ё-ё-ё... — Рядом цветисто и довольно грубо матерится мужчина, а после хватается меня, точно мешок с картошкой, и посылает в недолгий и не очень зрелищный полет в... распахнутое окно! Прямо в сугроб снега.

Падаю лицом на мягкую ледяную перину, но это даже хорошо... Остужает...

Жевать снег мне долго не приходится. Буквально через пару мгновений, рядом оказывается этот бешеный алкаш и, сграбастав за шкирку, ставит на ноги.

— Очухалась?! — спрашивает он. — Идти можешь?

Сначала киваю, затем качаю головой, и мужик, решив, что со мной все плохо, просто берет на руки и куда-то несет.

Сначала к своей машине.

— Черт... Ключи... — Хлопает себя по задним карманам джинсов и расстроенно вздыхает. — И телефон там же... — Вскидывает на меня взгляд. — У тебя есть?

— Нет. — Качаю головой. — Разбила...

— Ладно.

Опускает меня на ноги возле машины, чуть прислоняет к ее гладкой полированной поверхности и внимательно смотрит:

— Так постоишь немного?

— Угу.

— Только не падай...

— Угу.

— ...А то башку себе разобьешь.

О-о-очень информативно.

С этими словами он разворачивается и идет обратно к горящему дому.

Собрался лезть обратно?

Почти голый... Босиком... В снег и метель... Под крышу охваченного огнем дома.

Он бессмертный?

И нафига я тогда его спасала...

Трясусь всем телом и захожусь надсадным кашлем. Тушку мою мотыляет туда-сюда, и, чтобы не упасть, я держусь красными от холода пальцами за боковое зеркало машины. Но они все равно соскальзывают, и я вместе с ними.

А чего, собственно, я домой-то не иду?

Вон он. Рукой подать.

Свой гражданский долг исполнила – мужика спасла. Если не дурак совсем, то пожарку сам найдет как вызвать.

Пальцы все же соскальзывают, и я, пошатнувшись, собираюсь было направиться к себе домой, но внезапно снова оказываюсь подхвачена сильными руками.

— Куда собралась? — хрипит бессмертный.

Уже вернулся? Так быстро?

— Домой. — Неопределенно машу в сторону своей калитки. — Я замерзла-а-а. Пусти... те...

Но, вместо того чтобы отпустить, он снова подхватывает меня на руки и тащит теперь уже в дом.

Калитка моя распахнута настежь, и Буран, исполняя свой собачий долг, тут же кидается на прищельца.

Хочу одернуть пса, но очередной приступ кашля не дает и слова вымолвить.

Незнакомец и тут не теряется.

— Место! — громко рявкает он, и, удивительное дело, моего непослушного пса точно метелью сдувает.

Войдя в дом, мужчина быстро ориентируется и несет меня на диван.

— Пожарные? — шепчу, взволнованно наблюдая в окно, как все больше занимается огонь, перекидываясь на вторую половину дома.

— Уже вызвал. — Показывает свой телефон. — Чайник у тебя где?

— Т-там. — Одними глазами указываю в сторону кухни и снова захожусь кашлем.

— Да-а-а, — тянет мужик. — Надышалась ты. Тебе в больничку бы надо.

Какую больницу?! Нет! У меня же работа! Дети!

Мне никак нельзя в больницу.

Кашель и сам пройдет. Подумаешь – надышалась. Не так уж и страшно. Вон, уже и дышать легче становится. Я больше испугалась, чем надышалась.

Тем временем мужик бесцеремонно шарит по кухонным шкафчикам.

— Уголь у тебя есть?

— Какой уголь? Мы же с газом...

— Активированный.

— Вверху... Аптечка... Справа...

Минут через десять, наглотавшись абсорбентов, укрытая пледом, сижу на диване, держу в руках кружку теплого молока и вместе с незнакомцем смотрю в окно на то, как пожарные приехали.

— Жаль дом. — Кошусь на мужчину, который сидит рядом в кресле и, скрестив руки на мощной груди, так же смотрит на огонь.

Он никак не комментирует мои слова, просто смотрит, а после поворачивается и представляется:

— Максим.

— Ольга.

— Ты одна живешь, Ольга?

От неожиданности чуть не роняю кружку молока и, глянув на появившуюся из кухни Фифи, говорю:

— Не одна.

Он отслеживает мой взгляд и хмыкает.

— С кошкой.

Молча смотрю на него и понимаю страшную истину: у меня в доме совершенно чужой только-только протрезвевший огромный мужик.

Вот что у него на уме?

Кто он?

Вдруг он бандит или маньяк какой-то?

Я у него на спине татуировки видела. Не купола, конечно... Но все же...

Глава 4 «На обочине жизни»

Королев

Дом тетки Раи горит зрелищно.

Пожарка не торопится и приезжает, уже когда на крыше занимается огонь. И ему понятно, что теперь он непригоден для жизни.

Как так могло произойти?

Да элементарно!

Дом старый. Плюс в нем много лет никто не жил.

Я вчера, когда приехал, кое-как раскопчегарив старый еще напольный газовый котел, отправился в уже привычное алкогольное турне.

А что там произошло?

Да хрен его знает... Может, проводка замкнула. А может, котел все же навернулся.

Курил я на улице. Это помню точно, потому что, когда в очередной раз захотелось затянуться, сигареты, как назло, кончились. Есть ли в этом захолустье круглосуточный магазин, проверять не стал, потому что остатки здравого смысла подсказывали, что садиться бухим за руль – последнее дело. Убиться всегда успею...

Сбоку раздается надсадный кашель, и я, оторвав взгляд от полыхающего огня, оборачиваюсь.

Моя спасительница сидит на диване и, спрятав нижнюю часть лица в ладонях, кашляет. Дыма наглоталась...

Отчаянная какая.

Не каждый отважится кинуться в горящий дом, чтобы спасти совершенно незнакомого человека.

Смотрю на нее изучающе.

Хрупкая. Тонкие кисти, длинные пальцы. Всклопоченные светлые волосы беспорядочно разметались по плечам. Босые ноги трогательно поджаты.

А я ведь помню ее. Девочку с тощими косичками, что жила по соседству с теткой.

Сейчас она, конечно, изменилась... Выросла...

Если бы не она, я бы угорел в доме.

Сажусь напротив нее.

Ольга, значит.

Красивая...

Тонкие аристократические черты лица, спокойные голубые глаза. Такая спокойная, благородная красота.

Моя Ирка – тоже блондинка, но яркая и взрывная, точно игристое шампанское.

Мысленно даю себе пинка, напоминая, что не моя она теперь... Не моя.

Как всегда, воспоминание о бывшей жене больно ранит. Никогда не считал себя сентиментальным идиотом, а оказалось все совсем наоборот.

Ольга медленно пьет теплое молоко. Ей уже заметно лучше. Смертельная бледность медленно отступает, на щеках даже появляется легкий румянец. Поверх кружки она следит за мной своими холодными голубыми глазами и явно побаивается.

Ну, а как иначе?

Сижусь напротив нее весь такой красавчик: в одних джинсах, небритый и с перегаром за версту.

Стыдно?

Ни капельки.

Плевать.

Но Ольгу хочется успокоить. Вероятно, смущаю ее своим видом.

— Ты, наверное, меня не помнишь. Я племянник твоей соседки Раи. Бывало, приезжал к тетке. Ты маленькая еще была.

Судя по нахмуренным светлым бровям, не помнит и не доверяет.

Отставив кружку с молоком на столик, поднимается и, шлепая босыми ногами по полу, идет в другую комнату. Возвращается буквально через пару минут.

В руках у нее старый растянутый мужской свитер.

— Возьми.

Ах да! Я ж теперь погорелец.

Но шмотки у меня имеются.

Я вчера, когда приехал, устал, как собака, и не стал багажник разбирать – там мои нехитрые пожитки. Одеться мне есть во что, но, чтобы не смущать девушку дальше, благодарю за предложенный свитер и молча натягиваю.

Пожарные вовсю тушат дом, а часы уже показывают раннее утро.

Скоро мне выезжать на работу.

— Оля, можно воспользоваться твоей ванной?

Бросает на меня пронзительный взгляд.

Сомневается...

— Мне на работу ехать, а я в таком виде...

— На работу? — Удивленно вздергивает брови.

— Да. — Пожимаю плечами, мол, что здесь удивительного. — Я на заводе вашем теперь инженером работаю.

— У тети Раи племянник в Москве жил.

— Жил. — Соглашаюсь я и с легкой горечью добавляю: — А теперь здесь жить буду.

Где-то давно я читал, что есть люди, у которых сильно развита эмпатия. Хрень такая, что позволяет улавливать чувства другого человека.

Понятия не имею, из каких закровов моей башки вылезла эта информация, но, кажется, Ольга обладает какой-то такой чувствительностью.

Ничего ведь больше не спросила.

Лишь взглянула как-то по-особенному.

Б-р-р-р.

Глазищи ее эти...

Аж, до мурашек пробирает.

— Ванная там. — Кивает в сторону небольшого коридорчика. — Полотенце на крючке чистое. Можешь взять.

Хочу поблагодарить, но отчего-то слова застревают в горле.

Вместо этого скупно киваю и иду приводить себя в порядок.

Дом у Ольги старый.

Такой же, как у тетушки был.

Видно, что лет пятнадцать, а может, и двадцать назад здесь делали капитальный качественный ремонт. Но за это время он уже порядком износился. В ванной над раковиной подтекает кран. Кажется, его уже неоднократно кто-то ремонтировал, хотя явно видно, что давно пора менять.

Откручиваю вентиль с холодной водой и сначала долго умываюсь – прихожу в себя.

Замираю, глядя в зеркало на свою мятую морду, и понимаю, что на работу придется идти как есть – небритым.

Вместо ванны у Ольги стоит старая душевая кабина.

Для меня она тесновата, но, поскольку выбора особого нет, втискиваюсь в нее, точно селедка в банку, и быстро смываю с себя пот и дым.

Обтираюсь розовым полотенцем.

Теперь я пахну бабским гелем для душа.

Ну и фиг с ним.

Натягиваю старые вещи и выхожу в коридор.

Хозяйка за время моего отсутствия тоже привела себя в порядок.

Переоделась в какой-то старушечий вязаный балахон, на босые ноги натянула пушистые носки, собрала растрепанные волосы в тугий хвост на затылке. И сразу стала казаться гораздо старше.

Видимо ее уже более-менее отпустило – суетится на кухне, что-то ставит на плиту.

— Кофе будешь? — спрашивает, не оборачиваясь.

— Не откажусь.

— Там телефон звонил... Твой...

— Угу. Спасибо.

Соскребаю гаджет со стола и просматриваю список пропущенных.

Ирка опять наяблывает.

Она еще вечером до меня дозвониться пыталась, но я ее тупо игнорил. И сейчас нет ни малейшего желания с ней общаться. И ведь знает, зараза, что я рано просыпаюсь и к этому времени уже трезвею. Вот и названивает.

Телефон в руке оживает.

Скидываю.

Кирька, знаю, у тёщи живет вот уже неделю.

Вчера с ней созванивался – святая женщина.

Я ей денег перечислил.

У сына все хорошо, а остальные Иркины трудности меня не касаются. У нее другой мужик теперь имеется. Вот пусть им и занимается.

— Кофе. — Рядом возникает Ольга и протягивает кружку с ароматным дымящимся напитком.

Он так вкусно пахнет, что я на мгновение прикрываю глаза и чуть ли не стону от наслаждения.

— Клянусь, если на вкус это так же здорово, как и на запах, то ты просто божественная женщина.

Криво улыбаюсь, пытаюсь сделать комплимент.

Но то ли с комплиментами у меня так себе, то ли рожей я не вышел.

Ольга даже ухом не ведет, не улыбается.

Бросает на меня загадочный взгляд и усаживается напротив.

Пушистая серая кошка в ту же секунду запрыгивает к ней на колени и начинает громко тарыхтеть, выпрашивая ласку у хозяйки.

Кофе и правда шикарный. В меру горький, в меру сладкий. Без всяких примесей и отдушек.

Настоящий...

Экран телефона снова загорается – ставлю его на беззвучный режим.

Ирка, чтоб тебя!

Девушка напротив синхронно со мной бросает взгляд на экран, а там бывшая во все тридцать два улыбается. Не убрал ее с экрана. Не до того как-то было...

В два глотка, что совершенно кощунственно, допиваю свой кофе и, скупко поблагодарив Ольгу, иду на выход.

Во-первых, нужно поговорить с пожарными. А во-вторых, забрать вещи и переодеться в приличное.

До работы остался час, а я вышел на улицу и завис напротив пепелища, что осталось от теткиного дома.

Накрывает понимание, что жить мне теперь негде...

И как ты до такой жизни докатился, Королев?

А ведь все шикарно начиналось: хорошая высокооплачиваемая работа в столице, жена-красавица, сын-умница.

И вот такой итог.

В какой момент что-то пошло не так? Наверное, тогда, когда я начал часто и подолгу пропадать в командировках. За них хорошо платили, и я, одержимый идеей поскорее закрыть ипотеку за квартиру в Москве, пахал как проклятый, колесил по всей стране. Жил иногда в совершенно непригодных условиях, жрал лапшу быстрого приготовления, чтобы однажды приехать домой и застать Ирку с чужим мужиком.

Не знаю, каким чудом я тогда любовника этого чуть не прибил. Не иначе Господь руку отвел. Еще не хватало сесть из-за этого уroda. Ирка грудью кинулась защищать свою любовь до гроба.

Дура...

Я ради сына был готов ей простить это предательство, но Ирка закусилась: развод и раздел имущества.

А с учетом того, что в нашей трешке один из собственников – сын, то выходило, что квартира остается ему и Ирке. У меня хоть и есть там доля, но не буду же я жить там и глазеть на ее похождения. Продать и разделить... Не буду я у сына отбирать. Я для него и старался.

А Ирка – хитрая баба.

Она это знала, прекрасно.

Ипотеку выплатил – молодец!

А теперь, свободен!

Вот так живешь с человеком десять лет и даже не подозреваешь, какая она подлая тварь. Не иначе все эти годы любовь глаза застилала.

— Любовь... — Цинично хмыкаю я себе под нос и кивком головы здороваюсь с пожарными.

— Вы хозяин? — спрашивает главный из ребят.

— Я.

— Распишитесь в акте, пожалуйста. — Протягивает какой-то лист бумаги.

Даже не читая, ставлю свою закорючку.

Тут за нашими спинами раздается жуткий скрежет металла.

Оборачиваюсь.

Обгоревшие стропила не выдерживают, и крыша с грохотом сначала заваливается на один бок, а потом и вовсе складывается во внутрь стен.

— Сделали все, что смогли. — Жмет плечами пожарный. Для него-то это обычное дело.

— Без претензий, — цежу сквозь зубы и отдаю мужику подписанный акт. — Спасибо.

Они быстро собирают свои шланги, оборудование, садятся в пожарку и уезжают.

А я остаюсь на улице, в буквальном смысле этого слова, и думаю о том, что, если не найду сегодня съемную квартиру, придется мне ночевать в машине.

На завод приезжаю точно к назначенному времени.

Мужики на проходной, недоверчиво оглядев мой внедорожник, удивленно спрашивают:

— Максим Александрович? У нас пропуск только на Королева Максима.

— Это я.

— Вы наш новый инженер?

— А что, не похоже?

Вероятно, прежние инженеры поскромнее были.

Молча сверяют мои паспортные данные, а после поднимают шлагбаум и пропускают, с интересом рассматривая мою тачку.

Она – единственное, что осталось от моей сытой московской жизни.

Хорошо, что хоть ее пропить не успел.

А мог бы, если бы мой бывший коллега, а по совместительству и друг, что работает на этом заводе исполнительным директором, вовремя не встряхнул меня и не устроил сюда.

С прежней работы меня поперли.

Первые месяцы после разрыва с Иркой я бухал по-черному.

Результат не заставил себя ждать.

На работе ты нужен всем, только пока ты пашешь как лошадь.

Семье, как оказалось, тоже.

Паркуюсь на свободном месте и, поправив воротник мятой, но чистой рубашки, выбираюсь из машины.

Спину тут же продувает порыв ледяного ветра. Зимний пуховик, как и зимние ботинки сгорели в теткин дом, поэтому я налегке, но хоть не голый, а целый и даже невредимый, за что спасибо соседке.

Быстрым шагом иду в административное здание и поднимаюсь на третий этаж.

Там, прямо в коридоре, натыкаюсь на своего друга.

Вадим Самойлов в компании высокой красивой брюнетки куда-то спешит, но, увидев меня, тормозит и говорит своей спутнице:

— А вот и он, Светлана Олеговна!

Женщина бросает на меня такой очень женский оценивающий взгляд.

Отвечаю ей тем же, отмечая про себя идеальную прическу, прикид, макияж.

«Не замужем» – проносится в голове мысль.

— Знакомьтесь, Максим Александрович Королев.

Обмениваемся взаимными любезностями. Скупой киваю и перевожу взгляд на Самойлова.

— Мне сейчас оформляться, Вадим Антонович? Или сначала введете меня в курс дела?

Вадим хоть и давний мой друг, но на работе я всегда соблюдаю субординацию.

— Да. Давайте сначала в мой кабинет, а затем уже к Светлане. Она вам покажет рабочее место. Освойтесь здесь, а после можно будет уже и на производство.

— Я бы предпочёл сразу на производство.

— Рветесь в бой?

— Засиделся без дела...

В кабинете Самойлова я, усевшись напротив Вадима, внимательно оглядываю его кабинет. Обычное рабочее место человека, который на самом деле много работает, а не штаны просиживает.

Мне это уже нравится.

— Ну что, Макс, с приездом тебя! Освоился?

— Ага. — Хмыкаю под нос. — Так освоился, что тёткин дом спалил.

Лицо Самойлова пораженно вытягивается.

— Ну, ты, брат, даешь! Только не говори, что с сигаретой уснул.

— Нет. Проводка замкнула. Хорошо, соседка вытащила, а то бы угорел к чертовой матери.

— Да уж, — тянет Самойлов. — Что за черная полоса у тебя? Жить-то теперь где будешь?

— Разберусь...

— Ты, если что, скажи. Мы с Танькой...

Татьяна, жена Вадима, меня недолюбливает.

По понятной причине...

Довелось ей меня однажды лицезреть в не очень потребном виде.

Не обрадуется Татьяна, если я весь такой красивый к ним домой завалюсь. Зачем Вадиму лишние проблемы в семье создавать?

— Точно? — Прищуривается Самойлов.

— Точно. — Усмехаюсь я. — Давай лучше рассказывай, что у тебя тут к чему. Надо начинать работать.

— Мне нравится твоё рвение. Давай!

Следующие полдня мы находимся в цехах. Вадим мне проводит подробную экскурсию. Знакомит с подчиненными, вводит в курс дела. Здесь, на просторах моей малой родины, развернулось нехилое такое производство подсолнечного масла. Понятное дело, все еще налаживать и налаживать. Рабочих рук не хватает...

Странное дело, но меня захватывает.

Самойлов так вдохновенно рассказывает, что я невольно заражаюсь его энтузиазмом. Просыпается нехилая такая жажда деятельности. Впервые за последнее время.

Обедаем мы в столовой, что находится прямо на территории предприятия.

Удобно.

Я, давно не жравший нормальной домашней еды, с удовольствием наворачиваю душевный борщ от местной поварахи, затем пару тефтелек и после иду в кадры.

Там, в просторном светлом кабинете, заведует та самая красивая брюнетка.

— Можно к вам, Светлана Олеговна? — Заглядываю в кабинет.

Короткий взгляд поверх монитора.

— Да-да. Проходите, пожалуйста.

Минут тридцать у нас уходит на заполнение личного дела, подписание трудового договора и прочих формальностей.

Я собираюсь уже уходить, чтобы наконец попасть в свой новый рабочий кабинет, как Светлана внезапно говорит:

— Краем уха слышала о вашем несчастье. Сочувствую...

— Что? — Нахмурился я, не врубаясь.

— Я о вашем доме, — поясняет она и легким движением встает из-за стола.

Молчу.

Жду, что скажет еще.

Не зря же она подняла эту тему.

— Вы, вероятно, теперь ищете жилье?

Встает напротив, демонстрируя ладную фигуру и стройные ноги в тонких черных колготках.

Молча пялюсь на эти ноги и сглатываю.

— У меня как раз есть комната для сдачи. С вас, как с коллеги, возьму недорого. И до работы недалеко добираться.

Отрываю взгляд от ног и, медленно скользя взглядом вверх, фокусируюсь на лице.

— Спасибо, но не нуждаюсь. — Сухо отказываюсь от столь заманчивого предложения.

— Уже нашли жилье? — Стреляет глазами она.

— Нашел, — не моргнув глазом, вру и быстро ретируюсь. — Извините, но мне надо работать.

— Да-да... Но вы, если что, заходите.

Да ну нафиг!

Еще я на работе шашни не заводил.

Вообще не надо.

Глава 5 «Добрые дела»

Королев

Рабочий день закончился.

Выхожу из своего нового кабинета уставший, но довольный.

Немного освоился на новом месте.

Пока все нравится.

Только сейчас понял, как же я скучал по работе.

Запираю дверь своего нового кабинета и иду по коридору.

На встречу Самойлов.

— Ну, как? — спрашивает он. — Все нормально?

— Ага, норм.

Вместе выходим на улицу, курим, пока прогреваются тачки.

— Ты вообще как планируешь? Надолго к нам? — спрашивает Вадим.

— Надеюсь, навсегда.

— Хм... Я-то думал, ты так... Раны залижешь, а потом обратно в Москву.

Затягиваюсь, задумчиво чешу подбородок.

— А че мне там теперь делать?

— Ну, как же? — Жмет плечами Самойлов. — Сын, жена... Может, помириться еще.

— К кем? С Ирккой, что ли? Да ну нафиг! — Кривлюсь я.

— Понятно, — задумчиво говорит Вадим и протягивает руку. — Давай до завтра тогда.

Я погнал.

Прыгает в свою машину и уезжает.

Так-то оно и мне пора.

Выезжаю с территории завода и, задумчиво барабанию пальцами по рулю, решаю, куда мне поехать.

Направо в сторону трассы — там есть гостиница.

Или

После секундного колебания выбираю это «или»

Десять минут в дороге, и вот я уже почти в центре городка у строительного магазина.

Еще десять минут, и я еду в сторону теткиного дома с лежащей на переднем сиденье упаковкой с новым смесителем.

Подъезжаю, паркуюсь у сгоревшего дома, не без сожаления глядя на него, и тут краем глаза замечаю какое-то движение.

Подозрительно прищуриваюсь в сторону соседской калитки.

Так и есть!

По Ольгиному участку какой-то мужик топчется!

Ее самой не видно, как и света в окошках.

А Буран лаем надывается.

Выхожу из тачки, прикуриваю по дороге и не спеша иду в сторону соседского дома.

Интересно же...

Толкаю калитку — не заперто.

Странная беспечность.

Мужик, заглядывающий в окна, оборачивается и удивленно смотрит на меня.

— Здравствуйте. — Не очень-то дружелюбно смотрю на него.

Тот в ответ кивает и сверлит изучающим взглядом. В глазах его нет испуга или краткой заминки — неловкости.

А это значит только то, что чувак этот чувствует себя в полном праве вот так вламываться на Олькину территорию.

Хахаль ее?

Не думаю...

Буран вон цепь сейчас порвет. Собаки вообще людей тонко чувствуют.

— Ты чего, мужик, по чужим участкам топчешься, пока хозяев нет дома?

— Жду ее – хозяйку, — отвечает тот. — А ты кто такой?

— Сосед я. Ну, так жди снаружи. Не видишь собака из-за тебя беспокоится.

Незнакомец с неодобрением косится на Бурана и пренебрежительно цокает языком.

— Тупая псина.

Хотелось сказать в ответ что-то едкое, а лучше вообще выпроводить этого товарища взащей. Но приходится сдерживать этот порыв. Ведь, по сути, не мое это дело. Быть может, Ольга заранее с этим дятлом договорилась о встрече, а я тут им всю малину испорчу.

Последняя мысль неприятно царапает изнутри грудную клетку.

Вот не верится мне, что это может быть Ольгин мужчина.

Да и вообще, не похож он на местного. Слишком уж ухоженный и прилизанный. Смазливый такой. Часы дорогие, пальтишко.

Вот только явно нетрезвый он.

И это тоже подозрительно.

— А Ольга-то знает, что ты тут ее дожидаясь? — спрашиваю я.

— Знает. — Бросает на меня злобный взгляд.

— Так может позвонишь ей, чтобы поторопилась? — Насмешливо смотрю на него.

— Слышь, мужик, отвали, а? По-хорошему.

— А если по-плохому? — Иронично дергаю бровями, теперь уже точно уверенный, что гость этот незваный и, более того, нежеланный. — То что?

Несколько мгновений на поддатой смазливой роже отображается затрудненный мыслительный процесс, после которого товарищ выдает:

— А ты точно сосед? Или Ольга себе все же мужика нашла... Я-то думал, она все по мне сохнет.

И сказано это таким пренебрежительным тоном, что меня опять царапнуло.

Отчего-то стало обидно за девушку.

И как ее угораздило вляпаться в такого козла?

— Сохла да пересохла. — Понижаю голос до угрожающих ноток. — Шел бы ты отсюда, пока... Пока ветер без камней.

Судя по агрессивно перекошенной физиономии, чувак решил мне ответить.

Прикидываю, насколько он может быть опасным противником. Дитина он, конечно, не мелкий, но поддатый, а это сильно снижает его уровень скорости и координации.

Я уже готовлюсь дать отпор, но тут у дятла в кармане начинает надрываться телефон.

— Твою мать... — матерится он и снимает трубку.

Едва это происходит, как из динамика начинается буквально рваться истеричный женский голос.

Слов не разобрать, но оно мне, собственно, и не интересно.

— Да, сейчас я буду. Сейчас, — говорит и, забыв о моем существовании, тащится на выход. — Прекрати орать, дура истеричная!

Спотыкается, чуть не падает, но все же выходит на улицу.

Мы на пару с Бураном смотрим ему в след.

— Придурок, — качая головой, бормочу я.

— Гав! Гав! — Подтверждает хаски и ласково трется об мою ладонь, а я в ответ, почти любя, треплю его по загривку.

— Хорошая ты псина. — Опускаюсь на корточки. — Правильно. Надо хозяйку любить и защищать. Особенно от козлов всяких.

Сама же хозяйка домой не торопится.

Время переваливает за восемь часов, когда раздается легкий скрип калитки, и Ольга, точно самая настоящая Снежная королева, окинув нас с Бураном ледяным взглядом, скупно интересуется:

— Здравствуй. Что ты здесь делаешь?

— Дела добрые делаю, — честно отвечаю ей и в ответ на немое изумление добавляю: — Отгоняю злых людей от твоего замечательного пса.

— Вы с Бураном подружились?

— А то! Он классный парень. Да, Буран?

А пес, чувствуя, что говорят о нем, и рад стараться.

— Гав! — Подпрыгивает и силится лизнуть меня в лицо. — Хороший он, но воспитывать нужно.

Ольга, что сначала смотрит на меня с подозрительной холодностью, чуть оттаивает. На бледных губах появляется легкая теплая улыбка, что сразу преображает ее лицо.

Невольно засматриваюсь.

Она сегодня в красивом нежно-голубом пуховике и белой шапке, из-под которой выглядывают блестящие светлые локоны.

Ей очень идет.

Вот такая с улыбкой на губах она будто бы теряет добрый десяток лет и кажется молодой и легкой.

— Так что ты там говорил о делах...?

— Добрых.

— Ну да... Добрых...

— Я тебе кран новый привез.

— Кран? — Смотрит на меня с невероятным изумлением, словно я не про кран рассказывал, а про Марс или Юпитер.

— Да. Утром заметил, что у тебя в ванной смеситель подтекает. Хочу починить.

— Вот как... — Улыбка меркнет. — И сколько это будет стоить?

Вздыхаю с досадой.

Да что ж ты такая, блин, колючая!

И не подступишься!

— Ни сколько, Оля. Ты спасла мне жизнь...

Она молчит и пронзительно смотрит – раздумывает, стоит ли пускать меня на свою территорию.

— Но от твоего божественного кофе не отказался бы. — После паузы добавляю с кривой улыбкой: — Уж больно он у тебя вкусный.

— Хорошо. — По-королевски кивает колючка. — Пойдем. Будет тебе кофе.

Машинально напоследок треплю Бурана по башке и, улыбаясь, точно придурак, иду вслед за Олей.

Сейчас, когда шок и стресс прошел, я немного по-другому воспринимаю ее жилище. И первое впечатление – этот дом очень похож на свою хозяйку. Выцветший, немного унылый, но не потерявший своего бывшего очарования. Есть в его скромном, старомодном убранстве какая-то неясная прелесть.

Встречать нас выходит все та же пушистая кошка. С хищным прищуром хвостатая оглядывает меня и, видимо, признав потенциально не опасным объектом, призывно мявкает.

— Привет, Фифи. — Ласково гладит ее Ольга.

Кошка урчит в ответ и путается под ногами – проголодалась.

Мы раздеваемся.

Вешаю свою тонкую куртку рядом с ее светлым пуховиком и понимаю, что он выглядит точно мятый паучий плащ рядом с мягкой и снежной пелериной.

— Мне перекрыть воду? — спрашивает Ольга, застыв посреди гостиной.

Поворачиваю голову в ее сторону и зависаю на несколько мгновений, с интересом впитывая в себя ее образ.

Сейчас она выглядит иначе. Не так как утром.

Все такая же усталая, после трудного рабочего дня, но... Другая.

Вместо нафталиновых балахонистых тряпок на ней обтягивающие черные джинсы, что подчеркивают стройные и длинные ноги, и мягкий белый свитер. Светлые волосы до плеч в художественном беспорядке струятся по плечам.

Красивая она...

— Так что? — Вопросительно смотрит на меня.

— Да. — Моргаю, смахивая наваждение. — Перекрывай. Я пойду в ванную.

Поменять кран – плевое дело, особенно для человека, который своими руками забахал ремонт в трешке, где не было даже элементарно проводки и штукатурки.

Старый кран демонтироваться поначалу никак не хотел. Будто прирос к месту. Так я его потихоньку-потихоньку, попыхтел, поматерился, но все же снял. Новый поставил быстро. Благо, додумался купить вместе с краном нормальный ключ.

— Готово, хозяйка! Принимай работу! — довольный результатом, зову я Ольгу.

Она буквально через минуту появляется в дверях в ванну и, чуть потеснив меня, подходит к раковине.

Открывает-закрывает воду.

— Здорово! — Сияет улыбкой. — Да у тебя золотые руки, Максим! Я столько с этим краном мучилась. А ты взял и за каких-то пятнадцать минут все поправил. Спасибо тебе большое.

— Всегда пожалуйста. — Довольно улыбаюсь я и хитро напоминаю: — Так мне положена чашечка кофе?

— И не только кофе. — Кивает Ольга и зовет: — Пойдем на кухню.

А там на столе уже тарелка с бутербродами и вазочка с печеньем.

— Прости, но больше мне угостить тебя нечем. Я живу одна и очень редко готовлю.

— Я не привередлив, — заверяю ее и сразу же тащу первый бутерброд.

Обед хоть и был сытным, но уже давно переварился, и желудок неприятно тянуло сосущей пустотой.

— Вкусно. — Жую приправленное запечённое мясо, что на хлебе вместо колбасы.

Оля чуть краснеет и отводит взгляд.

Видно, что ей приятна моя похвала.

Садится напротив и тоже берет бутерброд.

Вездесущая кошка тут же запрыгивает ей на колени и начинает тарыхтеть, точно трактор в поле.

— Я смотрю, ты любишь животных, — прожевав, замечаю я.

— Не так чтобы очень. — Отмахивается девушка. — Это, скорее, они меня любят. А Буран и Фифи сами пришли, облюбовали дом и остались.

— Хаска? Сама пришла?! — Удивляюсь. — Их щенки продаются по двадцатке за одного. Обычно таких собачек холят и лелеют.

— Наверное. — Пожимает она плечами и гладит свою пушистую тарыхтелку. — Но Буран беспризорником был. Однажды я утром собиралась на работу. Выхожу – сидит на пороге. Молодой, след от ошейника. Или сбегал, или выкинули. Так и остался у меня.

— Понятно. А ты где работаешь, если не секрет?

— В санатории. Я дефектолог – с детьми занимаюсь.

Что-то такое я и предполагал.

Мягкая она, деликатная. Вся такая точно воздушная.

Наверняка, дети ее обожают.

Наевшись до отвала, откидываюсь на спинку стула и чувствую, что глаза сами закрываются от сытости и усталости.

Суматошный все же был день.

Надо двигать и не смущать хозяйку.

— Спасибо за ужин. Поеду я. — Решительно, преодолевая дрему, встаю из-за стола.

Ольга суетится по кухне. Собирает мне в контейнер с собой остатки бутербродов. Затем провожает до двери.

— Максим? — С беспокойством заглядывает в глаза. — Прости, но... Тебе есть где ночевать? Просто... Твой дом...

Какая трогательная забота.

Она готова пустить в дом чужого мужика?

Приютить меня точно вот эту кошку или собаку?

И самое паршивое то, что я бы с радостью остался.

Уходить совершенно не хочется, но...

Не к чему это. Она сама стоит и мнется. И волнуется, и боится одновременно.

— Не переживай, Оля. — Забираю контейнер с бутерами из ее рук. — Я в гостинице перекантуюсь, а потом найду жилье.

Она коротко выдыхает, точно от облегчения, а я, поморщившись, коротко прощаюсь и выхожу на крыльцо, выдыхая свежий морозный воздух, который быстро выгоняет остатки ванильной дури из башки.

Постояв с полминуты, иду по плохо расчищенной дорожке.

Снег бы еще тут убрать, все завалило...

Буран выбирается из своей будки и радостно виляет хвостом.

Треплю его по башке напоследок.

— Повезло тебе, братец. Хорошая она у тебя. Присматривай за ней лучше. Ок?

Пес, словно все понимает, преданно заглядывает в глаза и, когда я ухожу, плюхается задницей на снег возле калитки – сторожит.

Глава 6 «Боль в моей голове»

Оля

— Ольга Николаевна, а это куда нести? — От монитора компьютера меня отвлекает голос нашего завхоза.

Понимаю глаза и устало моргаю.

В руках у мужчины большая коробка.

— Что там? — удивленно спрашиваю. — Я ничего не заказывала.

— Это Павел Петрович сказал вам отнести. Вы же будете готовить праздник на масленицу?

— Я? — Удивленно моргаю.

— Ну да. — Кивает мужчина. — Петрович так сказал. А что?

— Ничего. — Сухо роняю и указываю на пустующий стол напротив. — Туда поставьте, пожалуйста.

Завхоз, пожав плечами, ставит коробку и уходит, оставив меня молча кипеть от негодования.

Ну, Паша!

Ну, жучара!

Вообще-то у нас есть отдельный человек, который отвечает за проведение таких мероприятий. Он сам ее на работу взял и сам эту должность придумал, а теперь: Оля, делай! Человек зарплату получает, а ты делай.

У меня своей работы хватает.

И это еще не сезон!

Страшно подумать, что будет летом.

Со злостью срываю с лица компьютерные очки и кладу их рядом с монитором.

Виски снова ломит от усталости...

Поднимаюсь со своего места и подхожу к окну.

С каким бы наслаждением я глянула на свежую зелень. Но увы, за окном все еще лютует снежная зима.

Календарная весна вот кажется уже скоро, но, вероятно, в этом году она будет поздняя и затяжная.

Тру ледяными пальцами лоб, массирую виски и затылок.

Не помогает...

И чай с ромашкой – тоже.

Я знаю, что со мной. Это синдром хронической усталости. Многие в него не верят, но в реальности он существует.

Нет, я люблю свою работу. Живу ею, дышу...

Работа с детьми наполняет мое одинокое существование смыслом.

Но в последнее время на меня навалилось слишком много административной работы. Как говорится, кто везет на том и катаются.

— Олечка, я только тебе могу это доверить. Ты же понимаешь? — говорит всегда Павел, а я почему-то не могу ему отказать.

Он умеет быть очень убедительным.

Ведь как-то он все же уломал меня на свидание в прошлую пятницу?

Воспоминания о проведенном с ним вечере оставляет пресное послевкусие в душе.

Нет. В целом все прошло замечательно. Мы поужинали, поговорили... О работе, в основном. Павел был мил, галантен и остроумен.

Я же... Честно старалась. И даже позволила ему поцеловать меня напоследок.

Ключевое, наверное, в этой фразе «позволила», потому что ничего, кроме неловкости, в тот момент не ощутила. А после, когда он, проводив меня до калитки, уехал, весь вечер ходила по дому и корила себя за это глупое малодушие.

Нужно было сразу после поцелуя сказать, что ничего у нас не получится.

Да это неприятно, обидно и, может, даже больно, но зато честно.

Почему же я промолчала?

Быть может, потому что рациональная часть меня прекрасно понимает, что Паша – это мой последний шанс на семейное счастье.

Нужно лишь дать ему и себе время, а там... Стерпится-слюбится.

Многие так живут.

Отчего же я не смогу?

Громкие голоса и женский смех отвлекает меня от созерцания унылого пейзажа за окном, возвращая в реальность.

Дверь кабинета чуть скрипит и распаивается, являя моему взору взбудораженного Павла.

— Ольга Николаевна, ты не занята? — как-то слишком бодро и наигранно спрашивает он.

— Занята. — Киваю на кипу бумаг на столе и недовольно перевожу взгляд на коробку с реквизитом.

Очень хочется высказать ему за масленицу, но не успеваю это сделать, как следом появляется хорошо знакомая женская фигура.

— Здравствуй, Оля! — Жизнерадостно улыбается мне бывшая свекровь и вваливается в кабинет следом за моим начальником.

Вот значит кто так смеялся. А мне еще этот смех показался очень знакомым...

— Здравствуйте, Антонина Михайловна. — Холодно киваю я. — Чем обязана?

— Мы с вашим Павлом Петровичем сейчас обсуждали строительство новой детской площадки на территории санатория, — елеинно поет бывшая свекровь и с хозяйским видом проходит в кабинет, а после садится в кресло.

— М-м-м, хорошо, — отстраненно комментирую и возвращаюсь на свое рабочее место.

Одеваю свою защитную броню – рабочие очки. За ними не так уж и сложно прятать свои истинные чувства.

— Да, — подтверждая слова Антонины Михайловны, говорит Павел. — Площадку изготовят и смонтируют уже к началу летнего сезона за счет предприятия Даниловых.

Михайловна с важным видом кивает, подтверждая его слова.

— Чудесно, — сухо сжеживаю я. — Какая щедрость.

— Мир не без добрых людей. — Улыбается главврач и добавляет: — Антонина Михайловна нас очень выручает, потому что старая площадка уже пришла в негодность.

— Мы должны помогать друг другу, — фальшиво улыбаясь, поддакивает Михайловна. — Особенно, когда речь идет об особенных детях. Я ведь не понаслышке знаю, как трудно семьям, в которых растет трудный ребенок.

«Серьезно? Весь спектакль из-за этого?» — хочется спросить мне, но я, разумеется, молчу, уже понимая, о чем дальше пойдет речь.

— Павел Петрович, узнав о моей внучке Дарине, любезно согласился помочь.

В голосе бывшей свекрови столько сладости, что кажется, будто она хрустит на языке.

— Ты ведь помнишь Дарину, Оля? — Нагло смотрит на меня.

Решила меня через Петровича достать. Карга старая!

— Помню, — безэмоционально подтверждаю я. — У вашей внучки неизлечимый синдром.

Антонина Михайловна меняется в лице. Глаза ее вспыхивают злобой.

— Неизлечимый? Этого не может быть!

— Подождите, — мягко вставляет свое слово Павел и обращается ко мне: — Возможно, Ольга Николаевна ошиблась? Все же диагнозы ставит комиссия.

— Вы можете, конечно, отвезти девочку на комиссию, но там, — устало прикрываю глаза, — вам либо скажут то же самое, либо поставят диагноз “аутизм”.

— Аутизм?! — взвизгивает женщина, будто я не диагноз озвучила, а матом ругалась.

— Синдром Аспергера, если точнее.

— Так он же поддается коррекции, — влезает Павел, чем зарабатывает мой яростный взгляд.

— Вы лично корректировали, Павел Петрович?

— Нет, но...

— Аутизм, как его не назови, в какой бы он не был форме, он все равно есть. Дарина никогда не будет обычным ребенком. Это генетика и все...

— Какая генетика?! У нас таких не было в роду!

Антонина Михайловна выглядит озадаченной и, видимо, перебирает в памяти всех родственников на предмет такого заболевания.

Меня же это начинает утомлять.

— Что вы хотите, Антонина Михайловна? — прямо и довольно грубо спрашиваю я, зарабатывая осуждающий взгляд Павла. — Я же вам все честно сказала в прошлый раз.

Женщина задумывается, а потом говорит:

— Я хочу, чтобы ты ее вытасила. Дарина должна стать нормальным ребенком.

Хотелось бы сказать, что ребенок никому и ничего не должен, но прикусила язык, зная по опыту, что с Михайловной спорить бесполезно.

Да и Павел, судя по его решительному виду, с меня не слезет.

Уж очень ему нужна эта площадка.

— Хорошо. — Соглашаюсь я, еще пока не совсем понимая, на что подписываюсь. — Вы сможете привозить ее мне на выходные?

Тут Антонина Михайловна делается очень милой и приятной женщиной. Разговаривает со мной так уважительно, что диву даешься.

До чего же двуличная особа.

Когда она наконец-то уходит, оставив нас наедине с Павлом, признаюсь, у меня вырывается вздох облегчения. Все же у моей бывшей свекрови невероятно тяжелая аура.

— Все нормально? — Первым нарушает повисшую тишину мужчина.

— Нет, Паша, не нормально, — отвечаю я, не глядя на него.

Начинаю сосредоточенно копаться в документах на столе.

Работа не ждет.

У меня не так уж много времени.

— А что не так-то? — Удивляется он. — Позанимаешься с девочкой, еще и денег зарабатываешь.

Как у него все просто...

— Денег я от этой женщины не приму. — Сокрушенно качаю головой. — И знаешь, почему? Знаешь, что она уже приходила ко мне?

Судя по нахмуренной физиономии — знает. Сама Антонина Михайловна его просветила.

— Эта женщина — моя бывшая свекровь, а девочка — дочь моего бывшего мужа.

Павел зависает на какое-то время, внимательно всматриваясь в мое искаженное раздражением и недовольством лицо, а после пожимает плечами.

— Ну и что? По-моему, ты делаешь трагедию на пустом месте. Ребенок — есть ребенок. Позанимаешься с ней с полгодика, а потом откажешь в занятиях. Нам самое главное, чтобы они площадку успели построить.

— Паш. — Устало прикрываю глаза. — Если бы для меня это было просто, я бы ее еще в прошлый раз взяла. Понимаешь?

— Оль, не драматизируй. — Успокаивающе хлопает меня по руке. — Ты уже большая девочка.

Именно в этот момент я с горечью четко осознаю, что моя мантра про «стерпится-слюбится» не работает.

Каменею и медленно, но упорно вытягиваю свою ладонь из под его.

А он, словно и не заметив, с улыбкой спрашивает:

— Я заеду за тобой в выходные? Сходим куда-нибудь.

— Нет. — Безжизненным голосом роняю я.

— Почему?

— Ты, что, не слышал Антонину? Теперь все мои выходные будут заняты. Ты же сам этого хотел. Что тебя теперь не устраивает?!

Под конец мой тихий голос срывается на довольно высокой ноте.

— Ты же не будешь заниматься с девочкой целый день?

— А я этого и не говорила.

Павел, поняв, что больше конструктивного разговора не получится, с укоризной качает головой и ретируется.

Да, я такая бескомпромиссная.

Себя не навязываю и любить не заставляю.

Мне казалось, что он это еще на нашем прошлом свидании понял.

Оказывается, нет.

Домой я сегодня уйду непозволительно рано.

Накатывает какая-то нездоровая апатия, и я, собравшись, выхожу из здания еще при свете зимнего дневного солнца.

По дороге заглядываю в магазин и покупаю большой шоколадный рулет. Обычно не ем сладкое, а тут что-то захотелось.

Дома тихо и холодно.

Потирая озябшие руки, прибавляю температуру в котле и ставлю чайник. На автомате ищу таблетки от головной боли, потому что она уже стала просто невыносимой. Достаяю аптечку и понимаю, что, увы, они закончились. Придется обойтись успокаивающим чаем, массажем и надеждой на здоровый, крепкий сон. Мне нужно выспаться и набраться сил.

Сегодня пятница, а значит, уже завтра ко мне приведут Дарину.

Анализируя свое собственное поведение, прихожу к выводу, что вполне могла бы отказаться от ребенка. Ощущение, что в момент принятия этого тяжелого решения мною руководил не здравый смысл, а что-то другое.

Завариваю себе чай, разрезаю рулет и, едва успеваю положить на тарелку, как слышу какой-то шум на улице.

Испуганно сжавшись, выглядываю в окно – на соседнем участке что-то явно происходит. Напряженно вглядываюсь сквозь уже сгустившиеся сумерки и решаю на всякий случай отпустить с цепи Бурана. Мало ли...

Накидываю домашний пуховик и выхожу на порог.

Буран встречает меня щенячьим поскуливанием.

Отцепляю его, а сама через забор поглядываю.

— Ну, здравствуй, соседка! — Раздается внезапно за спиной, и я, подпрыгнув от неожиданности, оборачиваюсь.

— Максим? — Тарашусь на высокую мужскую фигуру в рабочем комбинезоне.

— А что не похож? — Ухмыляется он.

— Ты что так подкрадываешься? — С укоризной гляжу на него. — Я испугалась.

— Честно, не хотел пугать. Так... Заглянул по-соседски.

— Так это ты на участке гремишь?

— Ага. Разбираю строительный мусор. Вот. — Показывает окровавленную руку. — Порезался. Надеялся попросить у тебя пластырь и перекись.

— Конечно. Проходи! Кажется, тут обычным пластырем не обойтись.

Мы вместе заходим в дом.

Максим уже, чувствуя себя почти как дома, раздевается, пристраивает форменную куртку на вешалку и, разувшись, идет на кухню. Он и сам знает, где у меня аптечка.

— Поможешь? — спрашивает он. — Левой рукой капец как неудобно.

— Конечно. — Киваю и подхожу к нему ближе. — Садись.

Он послушно приземляется на табурет, а я, со всей серьезностью, берусь за обработку его раны.

— Глубокий порез. — Морщусь я. — Может, в больницу?

— Ой, изыди! — ругается Макс. — Придумала – больницу!

Кто-то не любит больницы? Мне это даже не удивительно. Мой покойный отец, как и большинство мужчин, тоже не любил больницы. Пошел, только когда совсем приспичило, но, как оказалось, уже было поздно.

— Понятно...

Тщательно промываю перекисью рану, накладываю тугую повязку, а Максим, между тем, сокрушенно жалуется:

— Похоже на сегодня отработался я. Черт, и половины не успел сделать.

— Вот подзаживет и сделаешь.

— Да когда это будет... Эх! — В сердцах машет здоровой рукой.

— Ты торопишься?

— Ну, конечно! — Фыркает он. — Жизнь в гостинице – дорогое удовольствие.

— Я думала, ты снял квартиру. — Прикусываю губу и вновь щелкаю остывшим чайником.

— Не снял. Там, где сдавали, как в бомжатнике, а где нормально – я рожей не вышел, — расстроено бурчит Максим. — Хочу дом теткин восстановить.

— Строиться будешь? — С интересом смотрю на него.

— Буду. — Утвердительно кивает. — Хотел завалы сам разгрести, чтобы на подсобных услугах сэкономить. Сэкономил, называется...

Он сокрушенно опускает голову, рассматривая свою забинтованную руку, а я неожиданно для себя предлагаю:

— Хочешь рулет шоколадный? Я чайник поставила.

Поднимает на меня взгляд, в котором приятное удивление и кажется... Восхищение.

Мной?

Уф-ф-ф-ф, наверное, мне это кажется.

— Оль, да я весь грязный... В робе...

— Ну и что? Ты и так на кухне. — Резонно замечаю я и достаю из шкафчика вторую тарелку. — Расслабься уже.

Все же любой человек, даже такой замкнутый, как я, – социальное существо. Чай с рулетом в компании соседа оказывается еще вкуснее, а вечер – гораздо приятнее.

Максим подробно рассказывает, что он хочет построить на своем участке, и я невольно завижду ему, потому что глаза его горят нешуточным энтузиазмом.

— Много места мне не нужно. Думаю, трех комнат будет вполне достаточно. Я все же один живу, — делится он.

— Но, возможно, так будет не всегда, — подкладывая ему рулет, предполагаю я.

— Это ты сейчас на что намекаешь? — Хмурится он. — Что я женюсь? О, нет! Плавали-знаем. Я больше добровольно в эту петлю не полезу.

Конечно, я догадывалась, что у Максима в прошлом своя не очень красивая история, но чтоб вот... Хм... Настолько.

Повисает короткая пауза, и я, чтобы разрядить обстановку, перевожу тему в другое русло. Спрашиваю соседа о новой работе и с интересом его слушаю.

Чай с рулетом постепенно заканчивается.

Часы переваливают за девять вечера.

— Ого! — Удивляется мужчина. — Вот это мы чайку с тобой попили! Кстати, кран не течет больше?

— Нет. Все отлично.

— Тогда я поеду. Завтра на работу с утра.

— В субботу?

— Что поделать...

Провожая Максима до двери. Он накидывает куртку, берет в руки шапку и, замерев напротив, смотрит, словно что-то хочет сказать, но не решается.

— Спасибо тебе, Оль, за чудесный вечер, — наконец произносит он, и мне чудится в этих словах обращенная ко мне нежность.

— Не за что. — Мой голос отчего-то понижается практически до шепота.

Он внезапно протягивает здоровую руку и осторожно касается моей щеки

— У тебя тут... Шоколад...

Аккуратно стирает пятнышко, а мне от этого невинного прикосновения становится очень жарко. Краска бросается в лицо. Его чуткие пальцы около моих дрожащих губ.

— Оль?

— А? — Поднимаю глаза и замираю, пойманная в плен его изучающего взгляда.

— Я заеду завтра после работы?

— Зачем?

— Да так... Чай... Опять попьем...

Кончики пальцев скользят по моей шее, вызывая целый табун мурашек.

— Хорошо.

— Ну, тогда... До завтра?

— До завтра.

Напоследок мазнув острым взглядом по моим губам, он уходит, а я, привалившись спиной к двери, шумно выдыхаю, пытаюсь понять, что сейчас было.

— Мяс! — глубокомысленно изрекает Фифи, что лицезрела эту сцену.

— Ты совершенно права, милая. — Усмехаюсь себе под нос, чувствуя, что у меня больше не болит голова.

Вот совсем! Ни капельки!

Наоборот, в ней легко, светло и пусто.

И с этой блаженной пустотой я ложусь в постель, быстро засыпаю и крепко сплю до самого утра.

Глава 7 «Учение - свет»

Обычно, любимая спутница моего отдыха – это тишина.

Я ее просто обожаю.

Как и любая другая скучная и нудная особа, люблю с утра под чашечку кофе, повздыхать в тишине и, глядя в окно, подумать о бренности нашей жизни...

Шучу.

На самом деле тишина для меня – это своеобразный релакс. Все же работа с детьми имеет свои плюсы и минусы. Из минусов – постоянная суета, которую создают больше родители, нежели дети. Поэтому по выходным хочется хоть как-то напитаться домашним уютом и спокойствием.

Но сегодня у меня какое-то странное настроение.

Хорошее, но необычное.

Хочется какого-то движа.

Поэтому первым делом, наварив себе ароматного кофе, я щелкаю пультом от телевизора и почти сразу попадаю на канал, где показывают разные зарубежные клипы. Музыка веселая, энергичная.

То что надо!

Открыв холодильник, быстро осматриваю его содержимое и решительно достаю оттуда яблоки и яйца.

Быть шарлотке!

Вот только муки маловато будет.

А значит, нужно собираться в магазин.

Быстро прикидываю список продуктов и, одевшись в теплый зимний костюм, иду на улицу.

— Гав! — Это Буран провожает меня обиженным лаем.

Я частенько беру его с собой на прогулки, но сегодня ему придется побыть дома. Боюсь, что не справлюсь одна и с сумками, и с Бураном.

В супермаркете быстро набираю в тележку все необходимое и иду на кассу.

— Здравствуй, Валя, — тепло здороваюсь с молоденькой девушкой-кассиром.

— Здравствуйте, Ольга Николаевна! — бодро отвечает она почти без запинок. — Вам пакетик?

— Да, пожалуйста.

— Ой, Ольга Николаевна, вы масло не то взяли. Там есть лучше, и оно на данный момент по акции. Я вам сейчас мигом принесу.

И она подпрыгивает со своего места и пулей несется до отдела с молочными продуктами. Лишь только черная коса летит за ней, точно хвост у воздушного змея.

Ну надо же! Валюшке уже девятнадцать. Большая совсем стала.

Красавица.

А я ее маленькой помню – нескладным гадким утенком.

Она была одной из первых моих... Особенных...

У Вали был ЗПР из-за педагогической запущенности.

Она очень плохо разговаривала и училась соответственно.

Но мы очень много трудились, учились, боролись, и вот такая умница и красавица у нас с ее приемной мамой получилась.

Валю много лет назад изъяли из семьи алкоголиков. Затем она какое-то время жила в детдоме, пока ее не взяла под опеку двоюродная сестра спившейся матери.

— Вот, Ольга Николаевна. — Валечка заботливо складывает мои продукты в пакет.

— Спасибо, моя хорошая. — Улыбаюсь я девушке. — Как мама?

— Все хорошо.

— Привет ей передавай.

— Обязательно.

Выхожу на улицу и вдыхаю полной грудью свежий, морозный воздух.

Хороший сегодня день.

Следом за мной из магазина выходит еще одна моя знакомая, Лидия Георгиевна. В одной руке у нее сумка с продуктами, а во второй палочка.

— Здравствуйте, Лидия Георгиевна. Вам помочь? — Подхожу в ней.

— Ох, Оленька! — Замечает она меня. — Здравствуй.

Женщина выглядит какой-то растерянной, словно больной.

Сколько ей лет? Семьдесят? Может, и больше...

— Так вам помочь? — повторяю я вопрос, а свободную руку уже тяну к ее сумке.

— Только если тебе не сложно, — почти шепчет пожилая женщина. — Я бы и сама донесла, но сегодня так скользко...

— Что же вы в гололед вышли? — Удивляюсь я. — Виталика надо было послать.

Лидия Георгиевна, что до этого неспешно перебирала ногами, теперь и вовсе остановилась.

— Так умер, Оленька, мой Виталичек... Умер...

— Как? — Пораженно оборачиваюсь и гляжу в полное боли и скорби лицо женщины.

— Сердце не выдержало...

Сын женщины давно и много пил. К сожалению, все к этому и шло. Здоровье у Виталика было подорванное. И да... Сердце... Не выдержало возлияний.

Теперь женщина осталась одна.

— То раньше я не одна была. Виталик и в магазин ходил, и снег во дворе чистил, по хозяйству худо-бедно помогал, — рассказывает женщина, пока мы идем к ее дому. — Запивал, конечно, но не всегда ведь... А у меня, старой, все из рук валится. Котел еще вот на днях потек. Совсем не знаю, что делать...

Ее потерянный голос заставляет сжиматься от жалости сердце.

Лидия Георгиевна — очень хороший человек.

Она когда-то раньше работала медсестрой в местной ЦРБ. Когда моя мама слегла, именно она первая предложила помощь. Научила меня уколы колоть, капельницы ставить, сидела иногда с мамой, когда я на работу бегала. И ни за что денег не брала.

— Ну, вот мы и пришли. Вам куда сумки поставить?

— Вот сюда. — Кивает женщина на заваленное снегом крыльцо. — Спасибо тебе, Оленька.

— Да не за что. — Отмахиваюсь я, и внезапно в голове что-то щелкает.

Окидываю взглядом дом женщины и спрашиваю:

— Лидия Георгиевна, скажите, а у вас вторая половина дома жилая? Отопление там рабочее?

— Да, жилая. — Кивает женщина. — Я все думала, Виталик женится, супругу приведет. Даже ремонт там делали, а оно вон как все получилось.

— А вы не хотите эту половину сдать в аренду?

— Сдать? — Удивляется она. — Да кому ж нужна моя халупа?

— И вообще это не халупа. — Перед глазами возникает соседский дом еще до пожара, и, стоит признать, он выглядел гораздо хуже, чем половина Лидии Георгиевны. — Так что?

— Да я бы с радостью. Я ж на одну пенсию теперь живу, сама понимаешь. — Стыдливо разводит руками. — А то бы денюжат подкопила и Виталику памятник заказала.

— Есть у меня на примете один хороший и серьезный мужчина, который ищет жилье на длительный срок. У него дом сгорел.

— Это ты про Райкин дом, говоришь? — Быстро соображает она.

— Про него. А мужчина – это ее племянник.

— Максимка что ль?! — Хлопает себя по бокам женщина. — Я ж его знаю!

— Он самый.

— Пушу, конечно. Мы с его матерью дружили когда-то. Приводи Максима, приводи.

Иногда вот так просто решаются сложные задачи.

Вот придет вечером Максим, а я его и обрадую.

Домой иду все в том же приподнятом настроении, которое стремительно пропадает, когда вижу возле своего дома припаркованную красную машину.

Подхожу к калитке и едва берусь за замок, как дверь авто распахивается со стороны водительской двери, и оттуда тяжело выбирается Антонина Михайловна.

Сама за рулем?

А раньше с водителем ездила...

— Здравствуй, Оля, — мило щебечет она и после моего скупого кивка выволакивает с заднего сиденья внучку. — А мы вот, к тебе.

— Я не ждала вас так рано. — Недовольно поджимаю губы.

— А мы вот приехали!

Спорить с этой женщиной совершенно бесполезно, поэтому я приглашаю их внутрь.

Буран тут же начинает рвать цепь, пытаясь ухватить мою бывшую свекровь за полу шубы.

— Фу, Буран! Фу!

Антонина Михайловна испуганно сжимается и спешит на крыльцо, а вот Дарина, наоборот, с интересом смотрит на хаску.

— Собака! — внезапно звонко и громко выдает она и хочет подойти в Бурану. — Собака!

— Никаких собак! Пошли! — Бабушка довольно грубо дергает ее за руку, невзирая на явный протест девочки.

Мне все это видеть крайне неприятно и хочется одернуть женщину, но я усилием воли сдерживаюсь, напоминая себе, что связываться с Антониной Михайловной – это гиблое дело. Она из тех людей, которые совершенно не воспринимают критику в свой адрес.

Пока они раздеваются, я быстро прохожу на кухню и ставлю чайник.

— Чай? Кофе? — Правила хорошего тона никто еще не отменял.

— Нет. — Качает головой женщина. — Я ненадолго.

— В смысле «ненадолго»?

Мой вопрос повисает в воздухе, так как Антонина Михайловна явно не собирается на него быстро отвечать. Вместо этого она с кислым лицом осматривает мою кухню и ядовито-елейно выдает:

— Тут ничего не изменилось с тех пор, как я была в последний раз.

Мне сразу вспоминается тот день: меня только-только выписали из больницы после потери ребенка, и Антонина Михайловна прискакала проведать меня, фальшиво поплакать, а заодно вручить мне «отступные».

Многое уже стерлось из памяти, но та ненависть, которую я тогда испытала к этой женщине, кажется, жива до сих пор.

— Ты бы хоть ремонт сделала, — бросает она и, вытащив из кармана, вероятно, заранее припасенную красную купюру с царским видом кладет ее на стол. — Вот. Это тебе за занятие. Ремонт может сделаешь.

— Заберите, пожалуйста, — с достоинством отвечаю я, краем глаза глядя, как Дарина рисует пальцем по столу. — Я с вас денег не возьму. Все же не чужие люди...

Надменное лицо свекрови от напоминания о нашем давнем родстве идет красными пятнами.

— Ну, хорошо. — Быстро справившись с эмоциями, она забирает деньги и идет на выход. — Вы же тут и без меня справитесь?

От такой наглости я выпадаю в осадок.

— А вы не собираетесь присутствовать?

— Зачем? — Искренне удивляется она. — Ты же специалист. Вот и работай. А у меня дела.

С этими словами она накидывает свою дорожную шубу и уходит.

Я же перевожу взгляд на светлую голову Дарины, что все так же рисует, и неожиданно для себя думаю, что это даже к лучшему.

Немного подумав, сажусь рядом и стараюсь уследить за маленьким детским пальчиком.

— Что ты рисуешь? — тихо спрашиваю я у девочки.

Она, как и в прошлый раз, не обращает на меня никакого внимания. Полностью поглощенная своим нехитрым занятием, высунув кончик языка, лишь активнее и усерднее выводит свои, лишь одной ей понятные, иероглифы.

— Это кошечка? — ласково продолжаю я разговор сама с собой. — Или собачка? Птичка? Лошадка?

Детская ручка замирает.

Пронзительные голубые глаза Дарины с интересом осматривают мое лицо. Прямой и поразительно чистый взгляд.

Аутисты не смотрят в глаза.

Да ты ж моя хорошая!

Мы еще повоюем.

— Я права? Лошадка?

— Не-е-е, — нараспев тянет Дарина.

— А кто? Может, пони? Я угадала? Тебе нравится смотреть мультики про пони?

Кажется, я попала точно в цель, потому что девочка внезапно подскакивает и начинает носиться по кухне, явно изображая маленького пони.

Резкие звуки, дерганные, какие-то неловкие движения, чрезмерно счастливая, явно подсмотренная в мультиках гримаса на лице.

Совершенно дикое поведение для ребенка такого возраста.

Но я ее не останавливаю.

Пусть выплеснет энергию ребенок.

Пока мне важно установить контакт. И это может занять весьма длительное время.

— А на бумаге рисовать ты любишь? — Кладу на стол новую упаковку с фломастерами. — Нарисуешь мне пони?

А она никак не может остановиться. Словно войдя в раж. И носится, и носится.

Боже, она сейчас перевернет мне всю кухню!

— Дарина! Дарина! — зову ее, а в ответ ноль эмоций.

Она не реагирует, полностью поглощенная своей игрой.

— Пинки пай! — зову я, и, удивительное дело, девочка останавливается.

Замирает и смотрит, точно любопытный дикий зверек при встрече с чем-то неизведанным.

— Ты ведь Пинки Пай? — уточняю на всякий случай.

— Да! — громко подтверждает она и тычет в меня пальцем. — А ты — Радуга Дэш!

Ну, что ж...

Ради такого дела можно и пони побыть.

Через десять минут после бурного и эмоционального перечисления всех персонажей чудесного мультика про пони, Дарина все же притихает и садится за рисование.

Я же замешиваю вручную тесто на пирог, потому что боюсь включить шумно работающий миксер при девочке, и поглядываю на то, как она выделяет на листе А4 нечто мозговзрывательное.

Рисует она не что-то, а комиксы.

На английской языке...

Вываливаю тесто в форму и ставлю ее в заранее разогретую духовку.

Оборачиваюсь и обмираю, потому что Дарины нет за столом.

Ее вообще нет на кухне!

— Дарина! — кричу, отчего-то четко зная, что она не откликнется. — Дарина!

Стараясь унять панику, первым делом бегу в прихожую, проверить, на месте ли ее сапожки. Они, слава Богу, стоят ровно там, где я их и поставила.

Значит, из дома она не выходила.

Уже легче.

После десяти минут поиска девочка обнаруживается в ванной.

Малышка усердно моет руки.

Из нового смесителя тонкой струйкой течет вода прямо на мыльные ладошки.

— Вот ты где... — С облегчением выдыхаю я. — Ты зачем ушла, Дарина?

Она, как всегда, не отвечает. Увлеченно размазывает по рукам жидкое мыло.

— Пинки пай! — зову иначе, и она тут же поворачивает голову ко мне. — Пирог будешь кушать с яблоками?

Она смотрит, словно не понимая, о чем я говорю.

— Пирог очень вкусный. Ты уже достаточно помыла ручки. Они чистые. Выключай воду, милая.

То ли ласковые нотки в моем голосе, то ли просто так, но Дарина слушается.

С удивительным усердием вытирает руки о полотенце и послушно возвращается со мной на кухню.

А там уже витает сладкий аромат яблочного пирога.

— Вкусно, Пинки? — спрашиваю я.

— Вкусно, — совершенно четко отвечает девочка.

Что и следовало ожидать. Речевой аппарат работает как надо. Не удивлюсь, если она рано начала говорить отдельные слова.

Пока готовится пирог, я снова раскладываю на столе бумагу, фломастеры и кое-кие методические пособия, что успела подготовить. Все на английском языке. Спасибо моей классной руководительнице, в школе у меня по иностранному была пятерка. И что-то простое я вполне потяну.

Мне нужно для начала за что-то зацепиться.

Начнем с малого.

Пару заходов по десять минут.

Больше ее внимание не выдержит.

Занимаемся...

Дарина упорно сопротивляется, но я потихоньку давлю и одновременно пытаюсь заинтересовать.

Она же...

И под столом, и под стулом, и на столе почти лежа.

Уф-ф-ф, до чего же она трудная.

Ее внимание практически невозможно удержать.

Через десять минут, чувствую, как влажная майка прилипла к спине. Словно я не циферки с девочкой рисовала, а несколько километров пробежала.

Моторика отвратительная.

Как это работает?

Почему ее комиксы такие четкие и ясные, а цифры такие тощие и корявые?

Необъяснимое явление этот чертов синдром.

Последнее, что меня добивает: она отказывается есть пирог с чаем.

Вот ни в какую.

— Ладно, — внутренне рыча от бессилия, ласково говорю я. — А что ты тогда будешь?

Она пододвигает стул к хлебнице и достает оттуда простой батон.

Не мешаю.

Наблюдаю с вялым интересом.

Батон брякает на стол.

Через минуту рядом появляется кружка с водой из-под крана.

Дарина садится за стол, достает из пакета батон и начинает его с удовольствием откусывать. Прямо от целой булки.

Ест, жмурится от удовольствия и запивает водой.

Чувствую, что у меня начинает дергаться глаз.

Ребенок любит хлеб и воду...

Не пирог, а хлеб.

Пока она ест, я немного даю себе передышку, а после делаем следующий заход на десять минут.

Это только со стороны может показаться, что я занимаюсь какой-то ерундой. Подумаешь, цифры рисует с дитем цветными карандашами. Но на самом деле это колоссальный труд. Ведь смысл в том, чтобы заставить Дарину делать то, что я хочу, а не она. И это очень сложно. Когда ты двадцать раз повторяешь одно и то же на разные лады, пытаясь интуитивно отыскать именно ту самую волшебную кнопку в мозгу ребенка, сам начинаешь потихоньку сходить с ума, потому что испытываешь огромное напряжение.

Отработав положенное время, коротко выдыхаю и смотрю на часы.

Скоро должна приехать Антонина Михайловна.

Пожалуй, на сегодня достаточно...

Не успеваю об этом подумать, как во дворе начинает лаять Буран, извещая о том, что кто-то приехал.

Выглядываю в окно и вижу высокий черный автомобиль.

Калитка распаивается, и по натопанной дорожке, семена на высоких каблуках, идет красивая женщина с копной светлых волос.

Это мама Дарины и моя заклятая подруга – Влада.

Руки холодеют, я застываю, не в силах сдвинуться с места.

Вот уж кого я хотела бы видеть в последнюю очередь.

Она коротко стучится в дверь и, не дождавшись моего ответа, словно и не было тех лет полных боли и предательства, как в старые и парадоксально добрые времена, распаивает дверь с задорным криком:

— Оля! В этом доме до сих пор не запирается дверь?

Она в упор смотрит на меня и... Улыбается.

Улыбается так, словно рада меня видеть, словно мы с ней старые закадычные подружки. Сейчас поцелуемся в щечки и пойдем пить винишко у камина и сплетничать о парнях. Как это бывало раньше...

— А ты, как всегда, вламываешься без спроса, — холодно констатирую я.

Влада хмурит свои идеальные светлые брови, и глаза ее тухнут.

— Зачем ты так, Оля?

Вопрос риторический.

Он тяжело повисает в воздухе.

Как у нее наглости хватает появляться в моем доме и вести себя так, словно ничего не произошло?

— Все же былью поросло.

Не поросло.

Такое не забывается.

Тупая, давящая боль в груди не дает об этом забыть, вычеркнуть из жизни.

И я бы хотела стереть себе память, чтобы вновь стать той веселой доверчивой девочкой Олей, но, к сожалению, это невозможно.

— Где Антонина Михайловна? — коротко, отбросив лишние эмоции, спрашиваю я. — За девочкой должна была она приехать.

— У нее дела.

— Дела? — С наигранным недоумением изгибаю бровь. — Передай ей, пожалуйста, чтобы впредь приезжала за ребенком сама.

Даю понять, что Влада – нежеланный гость в моем доме.

Глаза Влады тут же вспыхивают злобой, отчего она начинает казаться старше своих лет.

Мы одноклассники. Дружили с садика. Учились в одном классе. И не было дружбы крепче нашей, до той поры, пока она не увела у меня мужа.

— Я сейчас позову Дарину, — сухо говорю я и иду на кухню, где девочка, предоставленная самой себе, лепит из мякиша булки пони.

На мгновение останавливаюсь и, ухватившись холодными пальцами за спинку стула, выдыхаю скопившееся напряжение.

— Дарина, — как можно мягче говорю, — там мама приехала.

Не реагирует.

— Пошли собираться.

Но у Дарины другие планы.

Домой девочка явно не хочет.

Она лишь сильнее мнет в руках мякиш и смотрит куда-то в пространство.

— Дарина! — С претензией на кухню залетает Влада. — А ну, живо пошли. Мы опаздываем.

Она хватается девочку за предплечье и буквально выволакивает из-за стола. Та, удивительно дело, даже не сопротивляется, покорно плетется за матерью, опустив голову.

И в каждом ее шаге мне чудится боль, неприятие и страдание.

Страдание маленького ни в чем неповинного человека, которого отчего-то так не любят в этой семье просто за то, что он не такой, как все остальные.

К сожалению, сделать что-то для Дарины едва ли в моих силах.

Я ей никто, а Влада – родная мать.

Сейчас даже самое деликатное замечание с моей стороны женщина наверняка воспримет как издевку, и это может вылиться в очередной виток агрессии. При чем непонятно еще, на кого она будет направлена. На меня? На девочку?

— Зачем ты ее так дергаешь? — Все же не выдерживаю я, когда Влада тянет дочь за волосы, которые зацепились за замок. — Ей же больно.

— Ходит вся лохматая..., — краснея от натуги, ворчит Влада и становится похожа не на красавицу-модель, а на базарную тетку. — Бестолочь!

— Причесывать надо, — зло цежу я и отталкиваю ее руки. — А если не успеваешь, то подстриги девочке волосы, и будет она опрятной.

Присаживаюсь рядом с Дариной на корточки и, ласково погладив по голове, освобождаю прядки из замка, надеваю шапочку.

— Все хорошо? — спрашиваю, зная, что та не за что не ответит. — Придешь ко мне на следующие выходные снова играть в пони?

Она поднимает на меня свои глазенки и неожиданно кивает, чем приводит свою мать в ярость.

— Ну, все! Пошли! — Выводит дочь на крыльцо и неожиданно оборачивается ко мне.

Смотрит пару мгновений так, словно убить хочет, но не может, и поэтому бесится от бессилия.

— Решила поиграть в добренькую? А старуха и повелась, — выплевывает она. — Но я-то вижу тебя насквозь, подруга. Решила через Даринку к нам подобраться?

У меня от удивления даже рот приоткрывается.

Господи, что за каша в голове этой женщины?

— К-х-х... Зачем мне это? — чуть прочистив горло, спрашиваю.

— Ты хочешь обратно моего мужа, — словно ядовитая кобра, шипит она. — Я этого не позволю! Не знаю, что тебе там наплела Антонина, но у нас все хорошо. Скоро третьего ребеночка родим и заживем лучше прежнего! Понятно тебе?! Не будет Игорь с тобой!

С этими словами, тряхнув яркой копной волос, она уходит вместе с расстроенной Дариной, оставив меня офигевать после такого концерта.

С усилием захлопываю дверь, закрываю замок и опускаюсь в свое любимое кресло.

Усталость невероятная.

Кажется, короткий разговор с Владой забрал у меня последние силы.

Глава 8 «На твоей волне»

Королев

Совещание затягивалось.

Суббота... Вечер... Стемнело...

Работать никакого желания, но надо.

Самойлов просил поддержать его на ВКС с учредителями. Он сам хоть и хорош, как управленец, но далеко не все технические нюансы в работе завода знает.

Пришлось остаться...

Хотя и особой необходимости не было.

С собственниками пообщался.

Понимающие ребята.

На этом, собственно, и все.

— Макс! — зовет Самойлов, когда вся их руководящая братия уже расходится. — Как твои дела?

— Нормально.

— Слушай, тут такая тема: у нас с Танькой юбилей, — говорит Вадим. — Мы решили сегодня скромно отметить в «Престиже». Ты заезжай – будем рады. Наши конторские там будут. Посидим, пообщаемся в неформальной обстановке.

— Круглая дата?

— Ну да. — Хохочет. — Пятнадцать лет «мучаемся».

— Поздравляю, но...

— Э-э-э, нет, друг. Так

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.